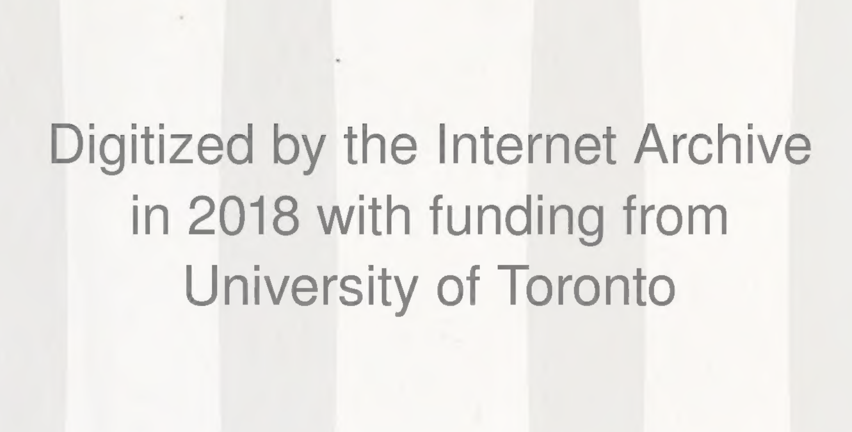

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324743 4

Vol. 5

I

I

73

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

LIBRARY
APR 4 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

Fedor Sologub

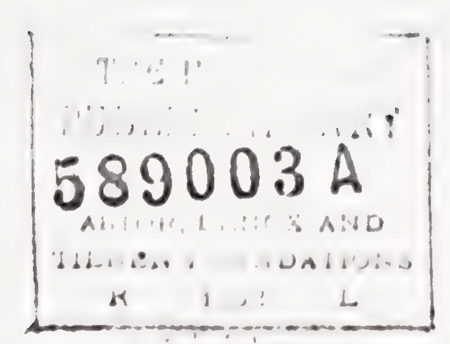
СТИХИ

Stikhi

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

589003 A

ОТЪ АВТОРА.

Въ душѣ лирическаго поэта живутъ двѣ родственныя силы, устремляющія его къ достиженіямъ, которыя только для неглубокаго пониманія кажутся противоположными. Одна изъ этихъ силъ побуждаетъ его открыть свою душу съ наибольшею искренностью и выразить ее возможно отчетливѣе. Повинуясь этому побужденію, все строже и настойчивѣе испытуешь темныя глубины бытія, и открываешь много неожиданнаго; явственны становятся черты, совершенно не сходныя съ чертами той маски, которую каждый изъ насъ носитъ для свѣта. Словно проникъ въ забытые, замкнутые заржавѣлыми замками подвалы стараго замка, и перебираешь древнія вещи, оставленныя давно отшедшими отъ насъ предками. Все глубже, глубже,—въ тишинѣ и мракѣ звучатъ таинственные голоса, сливаясь въ одинъ предвѣщательный гулъ. Въ послѣдней тьмѣ, за которою Единая таится Воля, различаешь мерцаніе, исходящее отъ невѣдомаго Лика.

Обозрѣвъ многія свои забытыя маски, душа лирическаго поэта сознаетъ свою многосложность и родство свое съ множествомъ. Тогда отдается она другой своей силѣ, устремляется къ сочувствіямъ и перевоплощеніямъ, и жаждетъ безъ конца расширять бытіе. Рожденная не въ первый разъ,

она легко сочувствуетъ, радуется и печалится со многими, и охотно облекается въ многообразныя личины. Голоса толпы и множествъ сливаются для нея въ стройные хоры, и въ сіяніи широкихъ свѣтовъ, за которыми единая таится Воля, возникаетъ передъ нею снова таинственный свѣтъ, отъ невѣдомаго исходящій Лика.

Свершивъ свой кругъ, пламенѣетъ, умираетъ, и изъ пепла возникаетъ опять.

Еще два слова о внѣшнемъ, о временахъ. Въ этой книгѣ собраны нѣкоторыя изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1899—1906 годахъ, и тѣ изъ написанныхъ раньше, которыя къ нимъ подходятъ по настроеніямъ.

Мартъ 1910 года.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СТИХИ

Суровый звукъ моихъ стиховъ—
Печальный отзвукъ дальной рѣчи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горькихъ словъ?

Во мглѣ почіетъ день туманный,
Воздвигся міръ вокругъ стѣной,
И нѣтъ пути передо мной
Къ странѣ, вотще обѣтованной;

И только звукъ, неясный звукъ
Порой доносится оттуда,
Но въ долгомъ ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгихъ мукъ!

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ.

Если сердце преданіямъ вѣрно,
Утѣшаяся лаемъ, мы лаемъ.
Что въ звѣринцѣ зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаемъ.

Къ повтореніямъ сердце привычно,—
Однозвучно и скучно кукуемъ.
Все въ звѣринцѣ безлично, обычно.
Мы о волѣ давно не тоскуемъ.

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ.

Въ недосягаемомъ чертогѣ
Жила царица красоты,
И съ нею были только боги
И легкокрылыя мечты.

Озарена святымъ блаженствомъ,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимымъ совершенствомъ
Сіяла радостно она.

Легко-сотканныя одежды
Едва касались нѣжныхъ плечъ,
Отраднымъ вѣяньемъ надежды
Привѣтная звучала рѣчь.

И только легкія мечтанья
Къ ней возносились отъ земли,
А люди, бренныя созданья,
Ея достигнуть не могли.

Катилось кроткое свѣтило
Надъ тихимъ плескомъ горныхъ рѣкъ,
Дневное-жъ солнце не всходило
Надъ міромъ радостнымъ во вѣкъ.

Но злой Драконъ, кующій стрѣлы,
Свою и здѣсь насытилъ злость.
Однажды въ дивные предѣлы
Вступилъ нежданный, странный гость.

Смотрѣлъ онъ дико и сурово,
Одежда вся была въ пыли.
Онъ произнесъ земное слово,
Повѣялъ запахомъ земли.

И предъ царицей смущенной,
Охваченъ вихремъ злыхъ тревогъ,
Мольбами страсти изступленной
Онъ огласилъ ея чертогъ.

Смутились радостные боги,
Померкли свѣтлыя мечты,
Все стало призрачно въ чертогѣ
Царицы дивной красоты,—

И въ тяжкой мукѣ отвращенья
Вкусила смерть Царица грезъ,—
И Змѣй въ безумствѣ злого мщенья
Свой ликъ пылающій вознесъ.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мнѣ!
Я умираю, Елисавета,
Я весь въ огнѣ.
Но нѣтъ отвѣта, мнѣ нѣтъ отвѣта
На страстный зовъ.
Въ странѣ далекой Елисавета,
Въ странѣ отцовъ.

Ея могила, ея могила
Въ краю иномъ.
Она скончалась. Ея могила—
Ревнивый домъ.
Побѣда смерти не побѣдила
Любви моей.
Сильна могила, ея могила,—
Любовь сильнѣй.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мнѣ!
Я умираю, Елисавета,
Я весь въ огнѣ.
Слова завѣта, слова завѣта
Не намъ забыть.
Съ тобою вмѣстѣ, Елисавета,
Намъ надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное злое растаетъ бремя,
Какъ сонъ, какъ мгла.
Земное бремя,—пространство, время,—
Мгновенный дымъ.
Земное, злое расторгнемъ бремя,
И побѣдимъ!

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мнѣ.
Я умираю, Елисавета,
Я весь въ огнѣ.
Тебя я встрѣчу въ блистаньи свѣта,
Любовь моя.
Мы будемъ вмѣстѣ. Елисавета,
И ты, и я.

Весь домъ покоенъ, и лишь одно
Окно ночное озарено.

То не лампадный отрадный свѣтъ:
Тамъ нѣтъ отрады, и сна тамъ нѣтъ.

Больной, быть можетъ, проснулся вдругъ,
И снова гложетъ его недугъ.

Или разлукѣ обречена,
Въ жестокихъ мукахъ не спитъ жена.

Иль, смерть по волѣ готовъ призвать,
Бѣднякъ бездольный не смѣетъ спать.

Надъ милымъ прахомъ, быть можетъ, мать
Въ тоскѣ и страхѣ пришла рыдать.

Иль скорбь иная зажгла огни.
О, злая, злая! къ чему они?

Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня къ послѣднему забытью.
Я пасъ тогда ослиныя стада,
И похвалялся ихъ тяжелой прытью.

Порой я самъ, вскочивши на осла,
Трусилъ рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждалъ, чтобъ ночь моя сошла,
И на поля повѣяла прохлада.

Сырой песокъ покорно былъ готовъ
Отпечатлѣть ослиныя копыта,
И мертвый ключъ у плоскихъ береговъ
Журчалъ о томъ, что вѣчной мглой закрыто.

Затхлый запахъ старыхъ книгъ
Оживилъ въ душѣ былое,
Въ злой тоскѣ пережитое,
Въ тихомъ звяканьи веригъ,

Дни, когда смиренный инокъ,
Въ кельѣ тѣсной, близъ иконъ,
Я молился, окруженъ
Тучей пляшущихъ пылинокъ,

И славянскую печать, —
Прихотливые узоры, —
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.

СОНЪ.

Печальный отрокъ съ черными глазами
Передо мной стоялъ и говорилъ:
— Взгляните, этими руками
Я человѣка задушилъ.

— Онъ захрипѣлъ, и что-то вдругъ сломалось
Тамъ, въ горлѣ у него,—и онъ упалъ.
То не вина иль злая шалость
Была,—я маму защищалъ.

— Съ кинжаломъ влѣзъ въ открытое окошко
Онъ ночью, маму онъ зарѣзать могъ, —
Но я подкрался, точно кошка,
И мигомъ сбилъ злодѣя съ ногъ.—

Онъ говорилъ, и весь горѣлъ тоскою.
Въ его душѣ гнѣздился темный страхъ.
Сверкало близкою грозою
Безумство у него въ глазахъ.

ДОКУКА-ВОРОГЪ.

На немъ изношенный кафтанъ
И шапка колпакомъ,
Но весь онъ зыбкій, какъ туманъ,
И нѣтъ лица на немъ.

Не слышно голоса его,
Не видно рукъ и ногъ,
И онъ ступить ни у кого
Не смѣетъ на порогъ.

Не подойдетъ и не пройдетъ
Открыто впереди, —
Онъ за угломъ впотемкахъ ждетъ,
Бѣжитъ онъ позади.

Его никакъ не отогнать,
Ни словомъ, ни рукой.
Онъ будетъ прыгать да плясать
Беззвучно за спиной.

Ты дорогой шла пустынной,
Гдѣ въ лѣсу синѣла мгла.
Ландышъ бѣлый и невинный
Ты зачѣмъ-то сорвала.

И зачѣмъ его сжимала
И надъ нимъ дышала ты,
Я не понялъ,—развѣ мало
Созерцанья красоты?

Или въ грудь свѣжѣе льется
Воздухъ, сквозь цвѣты струясь?
Иль мечтою создается
Съ зельемъ родственная связь?

Нѣтъ, другое что-то было
Для тебя въ цвѣткѣ твоемъ
И тебя къ нему манило
Что-то сладостное въ немъ.

И въ забвеньи суровомъ
Я не зналъ, чѣмъ ландышъ милъ,
И какимъ соблазномъ новымъ
Онъ мечты твои плѣнилъ.

Я былъ одинъ въ моемъ раю,
И кто-то звалъ меня Адамомъ.
Цвѣты хвалили плоть мою
Первоначальнымъ ѳиміамомъ.

И первозданное звѣрье,
Тѣснясь вокругъ меня, на тѣло
Еще невинное мое
Съ любовью дикою глядѣло.

У ногъ моихъ журчалъ ручей,
Спѣша лобзать стопы нагія,
И отраженія очей
Мнѣ улыбалися, благія.

Когда ступени горныхъ плитъ
Роса вечерняя кропила,
Ко мнѣ волшебница Лилитъ
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Какъ тихій сонъ,—какъ сонъ безгрѣшна,
И рѣчь ея была сладка,
Какъ нѣжный смѣхъ,—какъ смѣхъ утѣшна.

И не желать бы мнѣ иной!
Но я подъ сѣнью злого древа
Заснулъ... проснулся,—предо мной
Стояла и смѣялась Ева...

Когда померкъ лазурный день,
Когда заря къ морямъ склонилась,
Моя Лилитъ прошла какъ тѣнь,
Прошла, ушла,—навѣки скрылась.

Злая вѣдьма чашу яда
Подаетъ, — и шепчетъ мнѣ:
— Есть великая отрада
Въ затаенномъ тамъ огнѣ.

— Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, —
Не боишься? такъ по волѣ
Пей ее или не пей.

— Будутъ боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставитъ даже порчи
Изнурительная дрожь.

— Встанешь съ пола худъ и зеленъ
Подъ конецъ другого дня.
Въ путь пойдешь, который велѣнъ
Духомъ скрытаго огня.

— Кое-что умреть, конечно,
У тебя внутри, — такъ чтожъ?
Что имѣешь, ты навѣчно
Все равно не сбережешь.

— Но зато смертельнымъ ядомъ
Весь пропитанъ, будешь ты
Поражать змѣинымъ взглядомъ
Неразумные цвѣты.

— Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрѣлъ,
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дѣлъ. —

Такъ, смѣясь надъ чашей яда,
Злая вѣдьма шепчетъ мнѣ,
Что безсмертная отрада
Есть въ отравленномъ огнѣ.

СОБАКА СѢДОГО КОРОЛЯ.

Когда я былъ собакой
Сѣдого короля,
Ко мнѣ ласкался всякій,
Мой вѣрный нравъ хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли такъ,
Какъ будто клочья кожи,
Негодной для собакъ.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткій носъ,
Какъ будто бы повисла
Съ ихъ плечъ гирлянда розъ

Я часто скалилъ зубы,
Ворча на этихъ шлюхъ:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдаетъ нюхъ.

Кому служилъ я вѣрно,
То былъ король одинъ.
Онъ пахнулъ тоже скверно,
Но онъ былъ властелинъ.

Я съ нимъ и ночью влажной,
И въ пыльномъ шумѣ дня.
Онъ часто съ лаской важной
Похваливалъ меня.

Одинъ лишь пажъ румяный,
Веселый мальчуганъ,
Твердилъ, что я—поганый
Ворчунъ и грубіянъ.

Но, мальчику прощая,
Я былъ съ нимъ очень простъ,
И часто онъ, играя,
Хваталъ меня за хвостъ.

На всѣхъ рыча мятежно,
Предъ нимъ смирялъ я злость:
Онъ пахнулъ очень нѣжно,
Какъ съ мозгомъ жирнымъ кость.

Людьми нерѣдко руганъ,
Онъ все же со мной шалилъ,
И разъ весьма испуганъ
Мальчишкою я былъ.

Опасную игрушку
Придумалъ навязать
Онъ мнѣ на хвостъ: гремушку,
Способную пылать.

Дремалъ я у престола,
Гдѣ возсѣдалъ король,
И вдругъ воспрянулъ съ пола,
Въ хвостѣ почуявъ боль.

Хвостомъ косматымъ пламя
Возставилъ я, дрожа,
Какъ огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко вылъ и лаялъ,
Носясь быстрѣй коня.
Совсѣмъ меня измаялъ
Злой трескъ и блескъ огня.

Придворные напилися,—
Гремушка вмигъ снята,
И дамы занялися
Лѣченіемъ хвоста.

Король смѣялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечинъ
Дождался милый пажъ.

Прибили такъ, безъ гнѣва,
И плакалъ онъ шутя,—
Притомъ же королева
Была совсѣмъ дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удѣлъ безмѣрно грустный
Собакамъ бѣднымъ данъ,—
И запахъ самый вкусный
Исчезнетъ, какъ обманъ.

Ну вотъ, живу я паки,
Но тошенъ бѣлый свѣтъ:
Во мнѣ душа собаки,
Чутья же вовсе нѣтъ.

Высока луна Господня.
Тяжко мнѣ.
Истомилась я сегодня
Въ тишинѣ.

Ни одна вокругъ не лаетъ
Изъ подругъ.
Скучно, страшно замираетъ
Все вокругъ.

Въ ясныхъ улицахъ такъ пусто,
Такъ мертво.
Не слыхать шаговъ, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая въ тревогѣ,
Жду я бѣдъ.
Слабо пахнетъ по дорогѣ
Чей-то слѣдъ.

Никого нигдѣ не будитъ
Быстрый шагъ.
Жданный путникъ, кто жъ онъ будетъ,—
Другъ иль врагъ?

Подъ холодною луною
Я одна.
Нѣтъ, не въ мочь мнѣ,—я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томитъ меня сегодня,
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Въ тихій вечеръ на распутьи двухъ дорогъ
Я колдунью молодую подстерегъ,
И во имя всѣхъ проклятыхъ вражьихъ силъ
У колдуньи талисмана я просилъ.
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародѣйныя слова,
И искала талисмана въ тихой мглѣ,
И нашла багряный камень на землѣ,
И сказала: „Этотъ камень ты возьмешь,—
Съ нимъ не бойся,—не захочешь,не умрешь.
Этотъ камень все на шеѣ ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль вѣнца,—
Только жить, все жить ты будешь безъ конца.
Станетъ скучно,—ты веревку оборвешь
Бросишь камень, станешь воленъ, и умрешь..

Я сжечь ее хотѣлъ, колдунью злую.
Но у нея нашлись проклятыя слова,—
Я увидалъ ее опять живую,—
Вся въ пламени и въ искрахъ голова.

И говоритъ она:—Я не сгорѣла,—
Возстановилъ огонь мою красу.
Огнемъ упитанное тѣло
Я отъ костра къ волшебству унесу.

Перебѣгая, гаснетъ пламя въ складкахъ
Моихъ магическихъ одеждъ.
Безуменъ ты! въ моихъ загадкахъ
Ты не найдешь своихъ надеждъ.—

Въ лѣсу живетъ проказникъ неуемный,
Малютка Зой.
Насмѣшливый, онъ прячется въ укромной
Глуши лѣсной.

На немъ надѣтъ кафтанишко, плетеный
Изъ травъ лѣсныхъ,
По вѣтру кудри вьются, и зеленый
Колпакъ на нихъ.

На молвь людей онъ любитъ откликаться
Въ тиши лѣсной,
Но имъ въ глаза не смѣетъ показаться
Малютка Зой.

Я уведу тебя далеко
Отъ шумныхъ, тѣсныхъ городовъ,
Гдѣ въ многолюдствѣ одиноко,
Гдѣ рабство низменныхъ трудовъ.

Уйдемъ къ долинѣ безмятежной
На берега пустынныхъ водъ,
Когда свершится неизбѣжной
Звѣзды таинственный восходъ.

И тамъ на берегу потока,
Подъ легкій лепетъ камыша,
Отъ темной суеты далеко,
Прохладой свѣжею дыша,

Тамъ, на путяхъ очарованья
Въ безмолвный часъ поймешь и ты
Неотразимыя призванья
Міры объемлющей мечты.

Гдѣ безбрежный океанъ,
Гдѣ однѣ лишь плещуть волны,
Гдѣ не ходятъ челны,—
Тамъ есть фея Кисиманъ.

На волнахъ она лежитъ,
Нѣжась и качаясь,
Плещетъ, блещетъ, говоритъ,—
Съ нею фея Атимаисъ.

Атимаисъ, Кисиманъ—
Двѣ лазоревыя феи.
Ихъ ласкаетъ океанъ.
Эти феи—ворожеи.

Къ берегамъ несетъ волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Атимаисъ.

Пѣнитъ гнѣвный океанъ,
Кораблямъ ломая донья,
Злая фея Кисиманъ,
Ворожащая съ просонья.

Злыя феи, двѣ сестры,
Притворяться не умѣютъ.
Бойся въ морѣ злой поры,
Если обѣ чары дѣютъ.

Цвѣтетъ веселый садъ
Въ безмолвіи ограды.
Увидѣть нѣжный взглядъ
Кусты и птицы рады.
Съ высокаго крыльца
Походкою царицы
Несетъ она зарницы
Надъ розами лица.

Какъ сказка голубая,
Ушла отъ яркихъ въ тѣнь,
Рукою нагибая
Коварную сирень.
Сиреневыя сказки
Понятнѣй, чѣмъ слова.
Кружится голова,
И руки жаждутъ ласки.

Она идетъ въ поля,
Шумятъ ея одежды.
Угрѣтая земля
Цвѣтетъ въ лучахъ надежды,
И зелень влажныхъ травъ
Подъ жгучей лаской змія,—
О сладости благія
Развѣянныхъ отравъ!

Идетъ къ рѣкѣ веселой,
По мягкимъ берегамъ.
Развѣйся, зной тяжелый,
По доламъ, по лугамъ!
Истома грезъ и лѣни
Въ одеждахъ на пескѣ,
И тихій смѣхъ въ рѣкѣ,
Лобзающій колѣни.

Но только злой драконъ
На тѣло смотритъ сонный,
А гдѣ же, гдѣ же онъ,
Желанный и влюбленный?
Опять итти одной,
Закутанной въ одежды,
Сквозь яркія надежды
Въ истомный, томный зной.

Луны безгрѣшное сіянье,
Безстрастный сонъ нѣмыхъ дубравъ,
И въ полѣ мглистомъ волхованье,
Шептанье травъ...

Сошлись полночныя дороги.
На перекресткѣ я опять,—
Но къ вамъ-ли, демоны и боги,
Хочу воззвать?

Подъ непорочною луною
Внимая чуткой тишинѣ,
Все, что предстало предо мною,
Зову ко мнѣ.

Мелькаетъ бѣлая рубаха,—
И по травѣ, какъ снѣгъ блѣдна,
Дрожа отъ радостнаго страха,
Идетъ она.

Я не хочу ея объятій,
Я ненавижу прелесть женъ,
Я властью неземныхъ заклятій
Завороженъ.

Но говоритъ мнѣ вѣдьма: „Снова
Вѣщаю тайну бытія.
И нѣтъ и не было Иного,—
Но я—Твоя.

„Сгорали демоны и боги,
Но я съ Тобой всегда была
Тамъ, гдѣ встрѣчались двѣ дороги
Добра и зла“.

Упала бѣлая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа отъ страсти и отъ страха,
Стоитъ она.

Нарядъ зеленый не идетъ,—
Весенній цвѣтъ,—къ моей печали.
Ареной горя и заботъ
Меня все тѣ-же кони мчали

Отъ ожиданій голубыхъ
Къ моимъ отчаяніямъ бѣлымъ,
Отъ расцвѣтаній молодыхъ
Къ плодамъ увядшимъ, но не зрѣлымъ.

Бѣгъ прерывался только тамъ,
Гдѣ все томится въ свѣтѣ желтомъ,
Гдѣ бѣды зрѣютъ по полямъ,
А счастье за надежнымъ болтомъ.

Гляжу,—ристалища вдругъ нѣтъ,—
Стоитъ чертогъ передо мною,
А въ немъ и музыка, и свѣтъ,
И люди движутся толпою.

Печаль моя въ немъ расцвѣла,—
Ей платье желтое пристало,—
Она, роскошна и свѣтла,
Царицей въ томъ чертогѣ стала.

На балѣ были чудеса!
Въ груди моей кипѣли силы,—
Печали яркая краса
Ласкала ласкою могилы.

Но не усталъ возница мой,
Еще мерцаетъ даль за далью,
И мы опять летимъ домой
Съ моей вѣнчанною печалью.

Опять рядиться надо ей,
На выборъ всѣхъ цвѣтовъ наряды.
Нарядъ зеленый всѣхъ больнѣй,—
Ему всѣ счастливы и рады...

Не надѣйся на силу чудесную
Призорочной черты,—
Покорила я ширь поднебесную,
Одолѣешь-ли ты?

Я широко раскрою объятія,
Я весь міръ обниму,—
Заговоры твои и заклятія
Ни на что, ни къ чему.

Укажу я зловѣщему ворону
Надъ тобою полетъ.
Новый мѣсяцъ по лѣвую сторону,—
Ты увидишь,—взойдетъ.

На пути твоемъ вихри полдневные
Закручу, заверчу;
Лихорадки и недуги гнѣвные
На тебя нашепчу.

Все покрою заразою смрадною,
Что привѣтишь, любя,
И тоской гробовой, безпощадною
Изсушу я тебя.

И ко мнѣ ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И въ объятьяхъ моихъ ты схоронишься
Отъ постылаго дня.

ТИХАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Много бѣгалъ мальчикъ мой.
Ножки голыя въ пыли.
Ножки милыя помой.
Моя ножки, задремли.
Я спою тебѣ, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнулъ въ двери сонъ.
Я шепнула:—Сонъ, войди.
Волоса его, какъ ленъ,
Ручки дремлютъ на груди,—
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Сонъ, ты гдѣ былъ?—За горой.
— Что ты видѣлъ?—Лунный свѣтъ.
— Съ кѣмъ ты былъ?—Съ моей сестрой.
— А сестра пришла къ намъ?—Нѣтъ.—
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлетъ блѣдная луна.
Тихо въ полѣ и въ саду.
Кто-то ходитъ у окна,
Кто-то шепчетъ:—Я приду.—
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчетъ у окна,
Точно вѣтки шелестятъ:
— Тяжело мнѣ. Я больна.
Помоги мнѣ, милый братъ.—
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Я косила цѣлый день.
Я устала. Я больна.—
За окномъ шатнулась тѣнь,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

Я осмѣянный шелъ изъ собранія злобныхъ людей,
Въ утомленномъ умѣ ихъ безстыдныя рѣчи храня.
Было тихо вездѣ, и въ домахъ я не видѣлъ огней,
А морозная ночь и луна утѣшали меня.

Подымались дома серебристою сказкой кругомъ.
Безмятежно сады мнѣ шептали о чемъ-то святомъ
И, съ привѣтомъ ко мнѣ обнаженныя вѣтви склоня,
Навѣвая мечты, утѣшали тихонько меня.

Улыбаясь мечтамъ и усталые взоры клоня,
Я по улицамъ шелъ, очарованный полной луной,
И морозная даль, серебристой своей тишиной
Утишая тоску, отзывала отъ жизни меня.

Подъ ногами скрипѣлъ весь обвѣянный чарами снѣгъ,
Былъ стремителенъ бѣгъ легкихъ тучъ на далекій ночлегъ,
И, въ пустыняхъ небесъ тишину ледяную храня,
Облака и луна отгоняли тоску отъ меня.

Мельканье изломанной тѣни,
Испуганный смертію взоръ.
Все ниже и ниже ступени,
Все тише рыдающій хоръ.
Нисходятъ крутыя ступени,
Испуганъ разлукою взоръ.

Дрожатъ исхудалыя руки,
Касаясь холодной стѣны.
Протяжнымъ стенаньемъ разлуки
Испуганы темные сны.
Протяжные стоны разлуки
Дрожатъ у холодной стѣны.

Подъ черной и длинной вуалью
Двѣ урны полны черезъ край...
О пѣсня, надгробной печалью
Былую любовь обвѣвай!
Отравлено сердце печалью,
Двѣ урны полны черезъ край.

— Уйди, преступный воинъ!
Ты больше недостоинъ
Въ сраженьяхъ съ нами быть,
Копье ломать въ турнирѣ,
И на веселомъ пирѣ
Изъ общей чаши пить.—

Идетъ онъ, восклицая:
— За что напасть такая?
Я ложно осужденъ!—
И слышитъ ревъ проклятій
Его былыхъ собратій,
И смѣхъ пажей да женъ.

Какъ рыцарь осужденный,
Надменныхъ правъ лишенный,
Безъ шлема и безъ латъ,
Отъ буйнаго турнира,—
Отъ радостнаго міра
Иду, тоской объятъ.

4*

И самъ себѣ пеняю,
Хотя вины не знаю,
Не знаю за собой,—
Зачѣмъ въ турниръ веселый,
Надѣвъ доспѣхъ тяжелый,
Пошелъ я за толпой.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Медлительные взоры къ закату обращая,
Слѣдя за облаками и за полетомъ птицъ,
Сидѣла при дорогѣ красавица лѣсная,—
И зыблилась тихонько, мечту и тѣнь роняя
На смуглыя ланиты, густая сѣнь рѣсницъ.

Она припоминала въ печальный часъ вечерній
Таинственныя дали,—родимые края,
Гдѣ облако понятнѣй, гдѣ роща суевѣрнѣй,—
Куда, былая фея, любовію дочерней
Влеклась она, страдая и грусть свою тая.

Былъ день: презрѣвши чары и прелести ночныя,
Съ жезломъ своимъ волшебнымъ разсталася она,
Вѣнокъ благоуханный сняла съ чела впервые,
И, какъ простая дѣва, въ обители простыя
Вошла, и человѣку женою отдана.

На дальнемъ горизонтѣ синѣющей чертою
Виднѣлся лѣсъ дремучій,—то лѣсъ ея родной...
Туда она глядѣла вечернею зарею,—
Оттуда къ ней домчался съ призывною тоскою
Лазурный тихій голосъ: „вернись, дитя, домой“.

И въ голосѣ далекомъ ей слышалось прощенье,
Она улыбкой тихой отвѣтила на зовъ,
Съ людьми не попрощалась, оставила селенье
И быстро тѣнью легкой исчезла въ отдаленьѣ...
Влекла ее въ отчизну дочерняя любовь.

Насытивъ очи наготою
Эѳирныхъ и безстрастныхъ тѣлъ,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотѣлъ.

Тогда мнѣ дали имя Фрины,
И въ обаяньи нѣжныхъ силъ
Я восхитилъ мои Аѳины
И тѣло въ волны погрузилъ.

Невинность гимны мнѣ слагала,
Порокъ стыдился наготы,
И напоилъ онъ ядомъ жало
Въ пыли ползущей клеветы.

Мнѣ казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость въ побѣду превратила
Живая сила божества.

Когда отравленное слово
Въ меня металъ мой грозный врагъ,
Узрѣлъ внезапно безъ покрова
Мою красу ареопагъ.

Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было старцевъ поклоненье,
Восторгъ безстрастный и хвала.

Дѣтскій лепетъ мнѣ несносенъ,
Мнѣ противенъ стукъ машинъ.
Я хочу подъ тѣнью сосенъ
Быть одинъ, всегда одинъ,

Чтобъ пустынно восходило
И катилось надо мной
Безотвѣтное свѣтило,
Змѣй безумно-золотой,

Чтобъ свободный и пустынный
Вѣялъ вѣтеръ всѣхъ сторонъ,
Погружая душу въ длинный,
Безразгадно-вѣщій сонъ,

Чтобъ никто не молвилъ слова
Ни со мной, ни обо мнѣ,
Злымъ вторженіемъ былого
Въ безпредѣльной тишинѣ,

И, когда настанетъ время
Безпробудно опочить
И томительное бремя
Съ утомленныхъ плечъ сложить,—

Чтобъ никто моей пустыней
Съ тихимъ пѣньемъ не ходилъ,
Чтобъ не плавалъ ладанъ синій
Вокругъ колеблемыхъ кадилъ.

Много было весенъ,—
И опять весна.
Бѣдный міръ несносенъ,
И весна бѣдна.

Что она мнѣ скажетъ
На мои мечты?
Ту-же смерть покажетъ,
Тѣ-же все цвѣты,

Что и прежде были
У больной земли,
Небесамъ кадили,
Никли, да цвѣли.

Безжизненный чертогъ,
Случайная дорога...
Не хочетъ жизни Богъ,—
Иль жизнь не хочетъ Бога?

Опять встаетъ заря,
Колышутся туманы,
И робко ждутъ Царя
Томительныя страны.

Но лютый змій возникъ,
И мечетъ стрѣлы злыя,
И грозенъ мертвый ликъ
Пылающаго змія.

Для смерти – здѣсь чертогъ,
Для случая—дорога.
Не хочетъ жизни Богъ,
И жизнь не хочетъ Бога.

Видѣнья злыя, кто-же васъ
Воздвигъ надъ мрачной бездной
Въ неизреченный часъ,
Святой, но безполезный?

И чей безсмертно-вѣчный сонъ,
О тѣни гибельныя, вами
Въ недобрый часъ отягощенъ,
Какъ небо облаками?

То воля мудраго Творца,
Иль злобнымъ вражескимъ соблазномъ
До вождедѣннаго конца
Единый міръ предсталъ мнѣ разнымъ?

О, какъ томительно не знать,
Того, что сердцу вѣчно ясно,
И неустанно вопрошать, —
И вопрошать напрасно!

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,—
Въ долинахъ—блѣдная усталость,
На небѣ—злыя облака.

Не видно счастья голубого,—
Его затмили злые сны.
Лучи свѣтила золотого
Сѣдой тоской поглощены.

Трепещетъ сердце опять.
Блѣдная поднялась заря.
Бѣдная! пришла встрѣчать
Злого, золотого царя.

Всталъ, и пламенемъ лучей
Опалилъ, умертвилъ ее.
Ропщетъ и плачетъ ручей,—
Усталое сердце мое.

Въ дневныхъ лучахъ и въ сонной мглѣ
Въ моей травѣ, въ моей землѣ,
Въ моихъ кустахъ я схоронилъ
Мечты о жизни, клады силъ,
И окружился я стѣной,
Мой свѣтъ померкъ передо мной,
И я забылъ, давно забылъ,
Гдѣ притаились клады силъ.

Порой, взобравшись по стѣнѣ,
Сижу печально на окнѣ,—
И силы спятъ въ землѣ сырой,
Подъ неподвижною травой.
Какъ пробудить ихъ? Какъ воззвать?
Иль имъ вовѣки мирно спать,
А мнѣ холодной тишиной
Томиться вѣчно за стѣной?

Объята мглою вѣщихъ тѣней,
Она восходитъ въ темный храмъ.
Дрожатъ стопы отъ холода ступеней,
И грозенъ мракъ тоскующимъ очамъ.
И будутъ ли услышаны моленья?
Или навѣкъ отъ жизненныхъ тревогъ
Въ недостижимыя селенья
Сокрылся Богъ?

Во мглѣ мерцаютъ слабыя лампады,
Къ стопамъ приникъ тяжелый холодъ плитъ,
Темны столповъ недвижныя громады,—
Она стоитъ, и плачетъ, и дрожитъ.
О, для чего въ усердьи богомольномъ
Она спѣшила въ храмъ итти!
Какъ вознести мольбы о дольномъ!
Всему начертаны пути.

Грустные взоры склоняя,
Свѣтлыя слезы роняя,
Ты предо мною стоишь.
Только бъ рыданья молчали,—
Злыя лобзанья печали
Ты отъ толпы утаишь.

Впалыя щеки такъ блѣдны.
Вешнія ль грозы безслѣдны,
Лѣтній ли тягостенъ зной,
Иль на грѣхъ ты дерзаешь,—
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей бѣлизной.

Ангелъ сновъ невидѣнныхъ,
На путяхъ неиденныхъ
Я тебя встрѣчалъ.
Весь ты рдѣлъ, таинственный,
И удѣлъ единственный
Мнѣ ты обѣщалъ.

Меркло, полусонное,
Что-то непреклонное
У тебя въ глазахъ;
Книгу непрочтенную
Съ тайной запрещенною
Ты держалъ въ рукахъ.

5*

Неустанное въ работѣ
Сердце бѣдное мое,
Въ несмолкающей заботѣ
Ты житье куешь мое.

Воля къ жизни, воля злая,
Направляетъ пылкій токъ,—
Ты куешь, не уставая,
Тѣлу радость и порокъ.

Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабаго, меня,
И мои сомнѣнья топишь
Въ нескончаемости дня.

Я безлѣпицей измученъ.
Житіе кляну мое.
Твой тяжелый стукъ мнѣ скученъ,
Сердце бѣдное мое.

Есть тропа неизбѣжная
На крутомъ берегу,—
Тамъ волшебница нѣжная
Запыхалась въ бѣгу.

Улыбается сладкая,
И бѣжитъ далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только съ нею легко.

Пробѣжитъ,—зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, заклятаго
Не хотѣть бы кольца,
Отойти бъ отъ крылатаго,
Огневого гонца.

Пламенемъ наполненныя жилы,
Сердце знойное и полное огнемъ,—
Въ тѣлѣ солнце непомѣрной силы,
И душа насквозь пронизанная днемъ.

Что же въ ихъ безумномъ ликованьи?
Бездна ждетъ, и страшенъ ревъ ея глухой.
Въ озареніи, сверканьи и сгораньи
Не забыть ея, извѣчной, роковой.

Въ странѣ безвыходной безсмысленныхъ томленій
Влачился долго я безъ грезъ, безъ божества,
И лишь порой для дикихъ вдохновеній
Я находилъ безумныя слова.

Они цвѣли во мглѣ полночныхъ волхвованій,
На зломъ пути цвѣли,—и мертвая луна
Прохладный ядъ несбыточныхъ желаній
Вливала въ нихъ, ясна и холодна.

Безуміемъ окована земля,
Тиранствомъ золотого Змѣя.
Простерлися пустынныя поля,
Въ тоскѣ безвыходной нѣмѣя,
Подъемлются безсильно къ облакамъ
Безрадостно-нахмуренныя горы,
Подъемлются къ далекимъ небесамъ
Людей тоскующіе взоры.
Влачится жизнь по скучнымъ колеямъ,
И на листахъ незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистощимъ твой дикій холодъ,—
И кто безумствуетъ, спасенія моля,
Мечемъ отчаянья проколотъ.

Бѣлая тьма созидаетъ предметы,
И обольщаетъ меня.
Жадно ищу я душою просвѣты
Въ область нетлѣннаго дня.

Кто же внесетъ въ заточенье земное
Свѣточъ, пугающій тьму?
Скоро ль безсмертное, сердцу родное
Въ свѣтѣ его я пойму?

Или навѣкъ нерушима преграда
Бѣлой, обманчивой тьмы,
И безконечно томиться мнѣ надо,
И не уйти изъ тюрьмы?

Нашу неподвижность бранью не клейми.
Намъ коснѣть въ пещерахъ, созданныхъ людьми.

Мы не можемъ выйти, мы не смѣемъ жить;
Много здѣсь предметовъ,—намъ ихъ сторожить.

Чтобъ не вѣялъ вѣтеръ, солнце бы не жгло,
Да воды проворной къ ложу не текло.

Съ человѣкомъ долго мы вели войну,—
Человѣкъ ли скованъ, мы ль въ его плѣну?

Весела ль, грустна ли вражеская рѣчь,—
Надо ждать рѣшенья, и врага стеречь.

Разсвѣтъ полусонный, я очи открылъ,
Но нѣтъ во мнѣ воли, и нѣтъ во мнѣ силъ.

И душны покровы, и скучно лежать,
Но свѣтъ мой не хочетъ въ окнѣ засіять.

Докучная лампа, тебя-ли зажечь,
Чтобъ взоры направить на мертвую рѣчь?

Иль грѣшной мечтою себя веселить,
Приникнуть къ подушкѣ, и все позабыть?

Разсвѣтъ полусонный, я блѣденъ и хилъ,
И нѣтъ во мнѣ воли, и нѣтъ во мнѣ силъ.

Я жилъ какъ звѣрь пещерный,
Холодной тьмой объятъ,
Завѣтамъ ветхимъ вѣрный,
Бездушнымъ скаламъ братъ.

Но кровь моя кипѣла
Въ томительномъ огнѣ, —
И призракъ злого дѣла
Творилъ я въ тишинѣ.

Надъ мраками пещеры,
Надъ влажной тишиной
Скиталися химеры,
Воздвигнутыя мной.

На каменныхъ престолахъ,
Какъ мрачные цари,
Въ кровавыхъ ореолахъ
Мерцали упыри.

Безумной лаской нѣжить
Во тьмѣ и тишинѣ
Отверженная нежить
Сбиралася ко мнѣ.

И я какъ звѣрь скитался
Въ кругу заклятыхъ силъ
И скверною питался,
Но смерти не вкусилъ.

Не трогай въ темнотѣ
Того, что незнакомо, —
Быть можетъ, это — тѣ,
Кому привольно дома.

Кто съ ними былъ хоть разъ,
Тотъ ихъ не станетъ трогать.
Сверкнетъ зеленый глазъ,
Царапнетъ быстрый ноготь, —

Прокинется котомъ
Испуганная нежить.
А что она потомъ
Затѣетъ? мучить? нѣжить?

Куда ты ни пойдешь,
Возникнутъ пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будетъ послѣ?

Прозрачною щекой
Прильнетъ къ тебѣ сожитель.
Онъ сѣрою тоской
Твою затмитъ обитель.

И будетъ жуткій страхъ, —
Такъ близко, такъ знакомо, —
Стоять во всѣхъ углахъ
Тоскующаго дома.

Суровы очи у дивныхъ дѣвъ,
На блѣдныхъ лицахъ тоска и гнѣвъ.
Въ рукѣ у каждой горитъ свѣча.
Бренчатъ о поясъ два ключа.
Печальный, дальній путь избравъ,
Онѣ проходятъ средь влажныхъ травъ,
Среди колосьевъ, среди цвѣтовъ,
Подъ тѣнь надгробныхъ крестовъ.
Пророчатъ что-то свѣчъ лучи,
Но что пророчатъ, о томъ молчи.

Въ село изъ лѣса она пришла, —
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее въ дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее въ дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда жъ, ликуя, заря взошла,
Она упала, — и умерла.

Холодная, жестокая земля!
Но какъ же ты взростила сладострастіе?
Твои широкія, угрюмыя поля
Извѣдали ненастье, но и счастіе.

Сама ли ты надежды родила,
Сама ли ихъ повила злаками?
Или сошла съ небесъ богиня зла,
Вѣнчанная таинственными знаками,

И низвела для дремлющей земли
Мечты коварныя съ обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?

Я живу въ темной пещерѣ,
Я не вижу бѣлыхъ ночей.
Въ моей надеждѣ, въ моей вѣрѣ
Нѣтъ сіянія, нѣтъ лучей.

Ходъ къ пещерѣ никѣмъ не идёнъ,
И не то ль защита отъ меча!
Входъ въ пещеру чуть виденъ,
И предо мною горитъ свѣча.

Въ моей пещерѣ тѣсно и сыро,
И нечѣмъ ее согрѣть.
Далекій отъ земного міра,
Я долженъ здѣсь умереть.

О, сердце, сердце! позабыть
Пора надменныя мечты,
И въ безнадежной долѣ жить
Безъ торжества, безъ красоты,

Молчаньемъ вѣрнымъ отвѣчать
На каждый звукъ, на каждый зовъ,
И ничего не ожидать
Ни отъ друзей, ни отъ враговъ.

Суровъ завѣтъ, но хочетъ Богъ,
Чтобы такою жизнь была
Среди медлительныхъ тревогъ,
Среди томительнаго зла.

Есть правда горькая въ пророчествѣ:
Ты долженъ вѣчнымъ быть рабомъ.
Свобода—только въ одиночествѣ.
Какое рабство—быть вдвоемъ!

Свершить ли хочешь пожеланія,—
Свободныя всегда одни.
Вѣнчай тіарою молчанія
Твои отторженные дни.

Но бойся, бойся воплощенія
Твоей надежды и мечты:
Придутъ иныя вожделѣнія,
И самъ окаменѣешь ты.

Въ первоначальномъ мерцаньи,
Раньше свѣтилъ и огня,
Думать-гадать о созданьи
Боги воззвали меня.

И совѣщались мы трое,
Радостно жизнь расцвѣла.
Но на благое и злое
Я раздѣлилъ всѣ дѣла.

Боги во гнѣвѣ суровомъ
Прокляли злое и злыхъ,
И раздѣляющимъ словомъ
Былъ я отторженъ отъ нихъ.

Что мы служимъ молебны,
И предъ Господомъ ладанъ кадимъ!
Всѣ ровно непотребны,
Позабытые Богомъ своимъ.

Въ міротканной порфирѣ,
Осѣненный покровами силъ,
Позабылъ онъ о мірѣ,
И отъ творческихъ дѣлъ опочилъ.

И нетлѣнной мечтою
Міровая душа занята,
Не земною, иною,—
А земная пустыня—пуста.

ПИЛИГРИМЪ.

Въ одеждѣ пыльной пилигрима,
Обѣтъ свершая, онъ идетъ,
Босой, больной, неутомимо,
То шагъ назадъ, то два впередъ, —
И, чередуясь мѣрно, дали
Встаютъ все новыя предъ нимъ,
Неистощимы, какъ печали,
И все далекъ Ерусалимъ.

Томясь въ таинственной печали,
Стремится вѣчно родъ людской
Въ недосягаемыя дали,
Къ какой-то цѣли роковой.
И создаетъ неутомимо
Судьба преграды передъ нимъ,
И все далекъ отъ пилигрима
Его святой Ерусалимъ.

ЛИХО.

Кто это возлѣ меня засмѣялся такъ тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мнѣ привязалось давно, съ колыбели,
Лихо стояло и возлѣ крестильной купели,
Лихо за мною идетъ неотступною тѣнью,
Лихо уложитъ меня и въ могилу.
Лихо ужасное, врагъ и любви и забвенью,
Кто тебѣ далъ эту силу?

Лихо ко мнѣ прижимается, шепчетъ мнѣ тихо:
„Я—безталанное, всѣми гонимое Лихо!
Въ чьемъ бы дому для себя уголокъ ни нашло я,
Всякъ меня гонитъ, не зная минуты покоя.
Только тебѣ побороться со мной недосужно,—
Странно мечтая, стремишься ты къ мукамъ.
Вотъ почему я съ твоею душою такъ дружно,
Какъ отголосокъ со звукомъ“.

Я темнымъ иду переулкомъ,
Гдѣ въ воздухѣ пыльномъ и гулкомъ
Тревога.
И чуждъ я больной укоризнѣ,
Теперь мнѣ осталось отъ жизни
Немного.

Не знать и не ждать перемѣны,
Смотрѣть на докучныя стѣны
Досадно.
Мечтать же о днѣ неслучайномъ,
Навѣки запретномъ и тайномъ,
Отрадно.

Да онъ никогда не настанетъ,
И кто мое сердце обманетъ
Гаданьемъ?
Не мнѣ утѣшаться и вѣрить,
И темныя пропасти мѣрить
Желаньемъ.

Въ предутреннихъ потьмахъ я видѣлъ злые сны.
Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страхъ въ работу вплетены,
Въ сіянье дня—сѣдыя космы пыли.
Предутренніе сны, безумной ночи сны,—
На цѣлый день меня вы отравили.

Есть бѣлый нѣжный цвѣтъ,—далекъ онъ и высокъ,
Святая тѣнь, туманно-голубая.
Но мой больной привѣтъ начертанъ на песокъ,
И тусклый день, такъ медленно ступая,
Мететъ сухой песокъ, медлительно жестокъ.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!

Предутренняго сна больная тишина,
Нѣмая грусть въ сіяньи Змія.
Святыя-ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена сѣдого Вія,
Предутренняго сна больная тишина,
Но гдѣ-жъ твои соперницы нагія?

Иль тусклой пеленой закроется закатъ,
И кто за нимъ, то будетъ Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объятъ,
Сойду къ Инымъ безъ творческаго Слова?
Мучительный закатъ, безжалостный закатъ,
Послѣдній ядъ, усмѣшка Духа Злого.

Воля къ жизни, воля къ счастью, гдѣ же ты?
Иль навѣки претворилась ты въ мечты,
И въ мечтахъ неясныхъ, въ тихомъ полуснѣ,
Лишь о невозможномъ возвѣщаешь мнѣ?

Путь одинъ лишь знаю,—долог онъ и крутъ,—
Здѣсь цвѣты печали блѣдные цвѣтутъ,
Умираетъ безъ отвѣта чей-то крикъ,
За туманомъ солнце скрыто,—тусклый ликъ.

Утомленьемъ и могилой дышитъ путь,—
Воля къ смерти убѣждаетъ отдохнуть,
И отъ жизни обѣщаетъ уберечь.
Холодна и однозвучна злая рѣчь,
Но съ отрадой и съ надеждой внемлю ей
Въ тишинѣ, въ томленьи неподвижныхъ дней.

Я спалъ отъ печали
Тягостнымъ сномъ.
Чайки кричали
Надъ моимъ окномъ.

Заря возопила:
— Встрѣчай со мной царя.
Я небеса разбудила,
Разбудила, горя.—

И вѣтеръ, пылая
Вѣчной тоской,
Звалъ меня, пролетая
Надъ моею рѣкой.

Но въ тяжелой печали
Я безрадостно спалъ.
О, веселыя дали,
Я васъ не видалъ!

Не отражаясь въ зеркалахъ,
Я проходилъ по шумнымъ заламъ.
Мой врагъ, съ угрюмостью въ очахъ,
Стоялъ за бѣлымъ пьедесталомъ.

Предъ кѣмъ бы я ни предстоялъ
Съ моей двухсмысленной ужимкой,
Никто меня не замѣчалъ
Подъ сѣрой шапкой-невидимкой.

И только онъ мой каждый шагъ
Слѣдилъ въ неукротимомъ гнѣвѣ,
Мой вѣчный, мой жестокій врагъ,
Склонившись къ изваянной дѣвѣ.

Среди прелестныхъ, стройныхъ ногъ,
Раздвинувъ бѣлоснѣжный камень,
Торчалъ его лохматый рогъ,
И взоръ пылалъ, какъ адскій пламень.

Шумъ и ропотъ жизни скудной
Ненавистны мнѣ.
Сонъ мой трудный, непробудный
Въ мертвой тишинѣ.

Ты взлелѣянъ скучнымъ шумомъ
Гордыхъ городовъ,
Гдѣ моимъ завѣтнымъ думамъ
Нѣтъ надежныхъ словъ.

Этотъ грохотъ торопливый
Такъ враждебенъ мнѣ!
Дологъ сонъ мой, сонъ лѣнивый
Въ мертвой тишинѣ.

Поклонюсь тебѣ я платой многою,—
Я хочу забвенья да веселія,—
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мнѣ ереснаго зелія.

Бѣлый саванъ брошенъ надъ болотами,
Мертвый мѣсяцъ поднятъ надъ дубравою,—
Ты пройди заклятыми воротами,
Ты приди ко мнѣ съ шальной потравою.

Страшенъ навій слѣдъ, но въ немъ забвеніе,
Горекъ омегъ твой, но въ немъ веселіе,
Мертвыхъ устъ отрадно дуновеніе,—
Принеси жъ мнѣ, вѣдьма, злое зеліе.

Грустенъ, иду по дорогѣ пустынной
Вслѣдъ за вечернею тѣнью, угрюмой и длинной.

Сумрачный городъ остался за мною
Съ чахлою жизнью его и съ его суетою.

Пусты просторы, томительно жестки.
Никнутъ вѣтвями во снѣ непробуднымъ березки.

Грустны вокругъ меня сжатыя нивы.
Чудится мнѣ, что враждебно онѣ молчаливы.

Злой, золотой, безпощадно ликующій Змѣй
Въ красномъ притинѣ шипитъ въ паутинѣ лучей.

Внизъ соскользнулъ и смѣется въ шипящемъ ужѣ.
Бѣленькимъ зайчикомъ чортъ пробѣжалъ по межѣ.

Злая крапива и сонные маки въ цвѣту.
Кто-то, мнѣ близкій, черту замыкаетъ въ черту.

Бѣленькій, хитренькій, прыгаетъ чортъ за чертой,
Тихо смѣется и шепчетъ:—Попался! Постой!—

Проходитъ она торопливо
На шумныхъ путяхъ городскихъ,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой отъ взоровъ людскихъ:
Пожаромъ ее опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.

Въ пожарѣ порочныхъ желаній
Безпомощно духъ мой горѣлъ,
И только усладу мечтаній
Спасти отъ огня я успѣлъ.
Я жизни свободной не знаю,
Въ душѣ моей—мрачные сны,
Я трепетно ихъ укрываю
Подъ нѣжною тканью весны.

Мечта души моей, полночная луна,
Скользишь ты въ облакахъ, ясна и холодна.

Я душу для тебя свирѣльную настроилъ,
И волны шумныя мечтами успокоилъ.

Но мнѣ ты не внимай, спѣши стезей своей,
И радостныхъ часовъ надъ моремъ не жалѣй.

Твоя минуетъ ночь, поникнетъ ликъ усталый,—
Я море подыму грозою небывалой.

Забудетъ океанъ о медленной лунѣ,
И сниться будетъ мнѣ погибель въ глубинѣ.

И, полчище смертей наславши въ злое море,
Я жизнью буйною утѣшусь на просторѣ.

Я безъ цѣли, угрюмъ и одинъ,
Посреди облетѣлыхъ куртинъ
И поблеклыхъ деревьевъ иду
Въ бездыханномъ и желтомъ саду.

Облака надо мною скользятъ,
И къ закату торопится день.
Безнадежный и близкій закатъ,
Не твоя-ли колышется тѣнь

Надъ моею туманной душой?
Въ ней тяжелой и горькой тоской
Упованье мое сметено,
Въ ней мечты облетѣли давно.

Вѣтеръ тучи носитъ,
Носитъ вихри пыли.
Сердце сказки проситъ,
И не хочетъ были.

Сидѣть за стѣною, работникомъ быть,—
О, вѣтеръ, ты могъ бы и стѣны разбить!

Ходить по дорогамъ изъ камней и плитъ,—
Онъ только тревожитъ, онъ только скользитъ!

И мертвыя видѣть повсюду слова,—
Прекрасная сказка навѣки мертва.

Цвѣтикъ бѣлоснѣжный
У тропы телѣжной
Выросъ въ мѣстѣ незнакомомъ.
Ты, мой другъ, простился съ домомъ,
Ты ушелъ далеча,—
Суждена ль намъ встрѣча?

Цвѣтикъ нѣжный, синій
Надъ нѣмой пустыней
Выросъ въ мѣстѣ незнакомомъ.
Ты, мой другъ, разстался съ домомъ,
Отъ тебя хоть слово
Я услышу ль снова?

Птицы черныя толпою
Вдругъ собрались надо мною,
И въ зловѣщей тишинѣ
Неотвязчивый ихъ причетъ
Надо мною гулко кичетъ,
Возвѣщая гибель мнѣ.

Надъ душой моей нависли
Неотвязчивыя мысли
О судьбѣ моей больной,
И надежды заслоняя,
Череда ихъ роковая
Вѣетъ страхомъ и тоской.

Тамъ, за стѣною, холодный туманъ отъ рѣки.
Снова со мною острыя ласки тоски.
Снова огонь сожигаетъ
Усталую плоть,—
Пламень безумный, сверкая, играетъ,
Жалитъ, томитъ, угрожаетъ,—
Какъ мнѣ его побороть?
Сладокъ онъ, сладокъ мнѣ, сладокъ,—
Въ немъ я порочно полнночно сгораю давно.
Тихое око безстрастныхъ лампадокъ,
Тихой молитвы внезапный припадокъ,—
Вамъ погасить мой огонь не дано.
Сладкій, безумный и жгучій,
Пламенный, радостный стыдъ,
Мститель нетлѣнно-могучій
Горькихъ обидъ.
Плачетъ опять у порога
Блѣдная совѣсть—луна.
Ждетъ не дождется дорога,—
И увядаетъ она,
Лилія бѣдная, блѣдная, вѣчно больная,—
Лилія ждетъ, не дождется меня,
Свѣтлаго мая,
Огня.

Окрестъ—дорогъ извилистая сѣть.
Молчаніе, отвѣтъ взывающимъ,
О, долго-ль будешь въ небѣ ты висѣть
Мечемъ, безсильно угрожающимъ?

Была пора,—съ небесъ грозилъ драконъ,
Онъ видѣлъ вдаль, и стрѣлы были живы.
Когда же онъ покинетъ небосклонъ,
Всходили вѣстники, землѣ не лживы.

Обвѣяны познаніемъ кудесъ,
Являлись людямъ звѣри мудрые.
За зельями врачующими въ лѣсъ
Ходили вѣдьмы среброкудрыя.

Но все обманъ,—дракона въ небѣ нѣтъ,
И вѣдьмы такъ же; какъ и мы, безсильны.
Земныхъ судебъ чужды пути планетъ,—
Пути земные медленны и пыльны.

Странна дорогъ извилистая сѣть,
Молчаніе, отвѣтъ взывающимъ,
О, долго-ль съ неба будешь ты висѣть
Мечемъ, безсильно угрожающимъ?

Обольщенія лживыхъ словъ
И обманчивыхъ сновъ,—
Ваши прелести такъ сильны!
Утомителенъ лѣтній зной.
На дорогѣ лѣсной
Утѣшенія тишины.

Позабудешься ты въ тѣни,—
Отдохни и засни.
Старый сказочникъ не далекъ.
Онъ съ дремотою подойдетъ.
Вѣщій лѣсъ оживетъ,—
И таинственный огонекъ.

Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда,—
Снова молодо, снова здѣсь,
Станешь радостенъ весь,
Въ позабытую внидешь весь.

Отъ солнца льется только колыханье,
Небесныхъ силъ безжизненно дыханье,
Но отчего-жъ оно животворитъ?
Иль на землѣ источникъ нашей жизни,
И нѣтъ путей къ заоблачной отчизнѣ,
И не для насъ небесный змій горитъ?

Не мертвая, не скудная пустыня,
Своихъ судебъ царица и богиня,
Отъ страха ты стремишься къ божеству,—
А я, одна изъ множества ступеней
Изъ царства силъ въ святую область тѣней,
Не тщетно жизнью призрачной живу.

И до конца пребуду терпѣливымъ:
Что было прахомъ и страданьемъ лживымъ,
Что сквозь мои томленія пройдетъ,—
Во мнѣ святынѣ вѣчной пріобщится,
И въ ликованьи нѣжно истончится,—
Божественной природой оживетъ.

Мой ландышъ бѣлый вянетъ,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманетъ,
Потому что онъ хочетъ не зная.

И чего хочетъ, то будетъ,
Чего не будетъ, не надо.
Ничто его не принудитъ,
И увяданье ему отрада.

Единая Воля повсюду,
И къ чему мои размышленья?
Надо повѣрить чуду
Единаго въ мірѣ хотѣнья.

Иду въ смятеньи чрезвычайномъ,
И, созерцая даль мою,
Я въ неожиданномъ, въ случайномъ
Свои порывы узнаю.

Я снова слитъ съ моей природой,
Хотя доселѣ не рѣшилъ,
Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мнѣ чуждыхъ силъ.

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встрѣтитъ,—жизнь моя
Горитъ одной молитвой сладкой,
Однимъ дыханьемъ бытія.

Давно мнѣ голосъ твой невнятенъ,
И образъ твой въ мечтахъ поблекъ.
Или приходъ твой невозвратенъ,
И я навѣки одинокъ?

И былъ ли ты въ моей пустынѣ,
Иль призракъ лживый, мой же сонъ,
Въ укоръ неправедной гордынѣ
Врагомъ безликимъ вознесенъ?

Кто бъ ни былъ ты, явись мнѣ снова,
Затми томительные дни,
И мракъ безумія земного
Хоть передъ смертью осѣни.

Восходитъ Змій горящій снова,
И мечетъ грозные лучи.
Отъ волхвованія ночного
Меня ты снова отлучи.

Труды подъемлю, на дороги
Пойду безуменъ, золъ и малъ,
Забывъ полночные чертоги,
Гдѣ я словамъ твоимъ внималъ.

Но изъ земли возникнутъ снова
Твои холодные ключи,—
Тогда меня, всегда земного,
Ты въ тихій сумракъ заключи.

Ты въ странѣ недостижимой,—
Я въ больной долинѣ сновъ.
Другъ, томительно любимый,
Слышу звукъ твоихъ шаговъ.

Содрогаясь, внемлю рѣчи,
Вижу блескъ твоихъ очей,—
Блѣдный призракъ дивной встрѣчи,
Привидѣніе рѣчей.

Расторгаютъ евмениды
Между нами всѣ пути.
Я изгнанникъ,—всѣ обиды
Долженъ я перенести.

Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый,
И о тайномъ ворожить.

И я возникъ изъ бездны дикой,
И вотъ цвѣту,
И созидаю міръ великій,
Мою мечту.

А то, что раньше возникало,—
Иные сны,
Не въ нихъ ли кроется начало
Моей весны?

Моя мечта—и всѣ пространства,
И всѣ чреды,
Весь міръ—одно мое убранство,
Мои слѣды.

И если нынѣ въ бѣдномъ тѣлѣ
Такъ тѣсно мнѣ,—
Утѣшусь я въ иномъ предѣлѣ,
Въ иной странѣ.

Наивно вѣрю временамъ,
Покорно предаюсь пространствамъ,
Земнымъ измѣнчивымъ убранствамъ,
И безпредѣльнымъ небесамъ.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предѣлъ,—
Противорѣчій я хотѣлъ,
Мечта владычицею стала.

Въ жемчуги, злато и виссонъ,
Прелестница безумно-злая,
Она рядитъ, не уставая,
Земной таинственный мой сонъ.

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду,—о тебѣ помечтать,
О тебѣ разсказать перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.

Я позвалъ бы тебя,—не умѣю назвать;
За тобой бы послалъ,—да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ,—да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь,—такъ боялся бъ итти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ, и сокрытаго жду,—
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня,
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня.

Безгрѣшный сонъ,
Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясныя, взошли на небосклонъ,
И о далекомъ возвѣщали.

Отрадный свѣтъ,
И на землѣ начертанные знаки!
Вамъ, сестры ясныя, земля моя въ отвѣтъ
Взростила грезящіе маки.

Въ блестящемъ днѣ
Отрада есть,—надежда вдохновенья.
О, сестры ясныя, одна изъ васъ ко мнѣ
Сошла въ туманѣ сновидѣнья!

Прикованъ тяжкимъ тяготѣніемъ
Къ моей землѣ,
Я тѣшусь краткимъ сновидѣніемъ
Въ полночной мглѣ.

Летитъ душа освобожденная
Въ живой эфиръ,
И тамъ находитъ, удивленная,
За міромъ міръ,

И мимоходомъ воплощается
Въ иныхъ мірахъ,
И новой жизнью забавляется
Въ иныхъ тѣлахъ.

Понимать твою игру,
Можетъ быть, и не легко.
Ослабѣю,—и умру,
Этотъ день недалеко.

Я умру,—а ты опять
Будешь звѣзды зажигать,
Сѣять чары и мечты,—
Будемъ снова я и ты.

Будемъ дѣти, будетъ смѣхъ,
Будетъ сладкая любовь,
Будетъ зло, и будетъ грѣхъ,
И опять прольется кровь.

Снова кругъ мой завершивъ,
Стану мертвъ и стану живъ,
И твою игру прерву,
Можетъ быть, и наяву.

Я ухо приложилъ къ землѣ,
Чтобы услышать конскій топотъ,—
Но только ропотъ, только шопотъ
Ко мнѣ доходитъ по землѣ.

Нѣтъ громкихъ стуковъ, нѣтъ покоя,
Но кто же шепчетъ, и о чемъ?
Кто подъ моимъ лежитъ плечомъ,
И уху не даетъ покоя?

Ползетъ червякъ? растетъ трава?
Вода ли капаетъ до глины?
Молчатъ окрестныя долины,
Земля суха, тиха трава.

Пророчитъ что-то тихій шопотъ?
Иль, можетъ быть, зоветъ меня,
Къ покою вѣчному клоня,
Печальный ропотъ, темный шопотъ?

Землѣ раскрылись не случайно
Многообразные цвѣты.
Въ нихъ дышетъ творческая тайна,
Цвѣтутъ въ нихъ Божіи мечты.

Что было прежде силой косной,
Что жило тускло и темно,
Теперь омыто влагой росной,
Сіяньемъ дня озарено.

И въ каждомъ цвѣтѣ, обаяньемъ
Невинныхъ запаховъ дыша,
Уже трепещетъ расцвѣтаньемъ
Новорожденная душа.

Сладко ты благоухаешь,
Расцвѣла на радость мая.
Отчего-жъ ты не вздыхаешь,
Садъ родимый покидая?

Сломанъ стебель въ полдень знойный,
Сломанъ злобною рукою,—
Непорочной и спокойной
Ты сіяешь красотою.

Подожду до ночи лунной,
И тебя, ужъ не живую,
У рѣшетки той чугунной
Подыму и поцѣлую.

Вѣсти объ отчизнѣ
Вѣрьте иль не вѣрьте,—
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.

Если розы красны,
То купавы блѣдны.
Небеса безстрастны,
Мы же, люди, бѣдны.

Истина предстанетъ
Поздно или рано.
Здѣшнее обманетъ,—
Въ смерти нѣтъ обмана.

Невѣста тихая приходитъ.
Какіе бѣлые цвѣты!
Кого она съ собой приводитъ?
О чемъ въ очахъ ея мечты?

Она сложила странно руки,
Она склонила взоръ къ землѣ.
Ея весна—заря разлуки,
Ея пути лежатъ во мглѣ.

Идетъ въ святомъ благоуханьи,
Колебля бѣлую фату,
И въ угасающемъ дыханьи
Струя холодную мечту.

Въ лѣсу кричала злая птица,
Едва ручей журчалъ въ кустахъ,
По небу прядала зарница,
Туманъ сгущался на поляхъ.

Изъ-за раскрытаго широко
Томленья въ полночи моей
Прозрачный голосъ издалека
Мнѣ что-то пѣлъ,—не знаю, чей.

И все, что вкругъ меня звучало,—
Ручей, и вѣтеръ, и трава,—
Все, докучая, заслоняло
Его эфирныя слова.

И я заклятіемъ молчанья
Воззвалъ къ природѣ,—и она
Очарованью заклинанья
Была на мигъ покорена.

Я ждалъ,—и въ вѣщемъ ожиданьи
Зажегся мнѣ великій свѣтъ.
Далекій зовъ погасъ въ молчаньи,
Но былъ въ молчаніи отвѣтъ.

Игру Ты возлюбилъ, и создалъ міръ играя;
Кто мудрости вкусилъ, Ты тѣхъ изгналъ изъ рая.
Кто захотѣлъ расти, тѣхъ смерти Ты обрекъ.
Зарею мужества поставилъ Ты порокъ.
Ты—Отрокъ радостный, Ты—дѣвственное Слово.
Сомнѣнье темное отринулъ Ты сурово.
Младенца умертвилъ посланникъ грозный Твой,—
Ты въ царствіи Своемъ младенца успокой.

И на землѣ есть радости,
Есть много радостей и въ темномъ бытіи,—
Но всѣ земныя сладости—
Обманы краткіе, прельщенія Твои.

Обманомъ очаровано
Невинное дитя,
И если смертью сковано,
То сковано шутя.

Обѣщанное сбудется,
Возстанетъ милый прахъ,
И радостно разбудится
Улыбка на губахъ.
И ждать-ли намъ наскучило,
И скорбь-ли насъ измучила,—

Всему своя пора,
А смертное томленіе,
И темный гробъ, и тлѣніе—
Все это лишь игра.

Тоскуетъ мать надъ милымъ прахомъ,
Тоскуетъ мать.
Кого обнять? Съ безумнымъ страхомъ
Какъ обнимать?
Предстань предъ нею, отрокъ ясный,
Какъ тихій сонъ,
И погрузи въ туманъ безгласный
Безумный стонъ.

Потоки слезъ и ладанъ дымный
Туманятъ взглядъ.
Утѣха въ нихъ; утѣха—гимны
И весь обрядъ.
Земныя дѣти шаловливы,
Но крылья есть.
О томъ, какъ ангелы счастливы,
Доходитъ вѣсть.

Алой кровью истекая въ часъ всемірнаго томленья,
Съ легкимъ звономъ злыя звенья разжимаетъ лютый Змѣй,
Умираетъ съ тихимъ стономъ Царь полдневнаго творенья.
Кровью Змѣя пламенѣя, ты жалѣть его не смѣй.
Близокъ срокъ завороженный размышленья и молчанья.
Умираетъ Змѣй багряный, Царь безумнаго сіянья.
Онъ царилъ надъ небосклономъ, но настал печальный часъ,
И съ протяжнымъ тихимъ стономъ Змѣй пылающій погасъ.

И съ безсильною тревогой окровавленной дорогой,
Всѣ ключи свои роняя, трупъ Царя влечетъ Заря,
И въ томленьи грусти строгой мѣсяцъ блѣдный и двурогій
Сѣетъ мглистыя мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль невольно,
Что твой ропотъ своевольный! покоряйся, жить довольно.
Всѣ лучи померкли въ небѣ, и въ ночной росѣ ключи,—
И опять она съ тобою. Слушай, слушай, и молчи.

Въ великомъ холодѣ могилы
Я безнадежно схоронилъ
И отживающія силы,
И всходы нераскрытыхъ силъ,

И погребенныя истлѣли
Въ утробѣ матери-земли,
И безъ надежды и безъ цѣли
Могильнымъ сокомъ потекли,

И сокомъ корни напоили,
И гдѣ былъ путь унылъ и голъ,
Тамъ травы тихо восходили,
И цвѣтъ медлительный расцвѣлъ.

Покорна гласу темной воли,
И бездыханна и свѣтла,
Безъ торжества, безъ слезъ, безъ оли
Вся сила мертвая цвѣла.

И безъ любви благоухала,
Обманомъ жизни крася долъ,
И сокъ сладчайшій источала
Для пестрыхъ бабочекъ и пчелъ.

О, если бъ смерть не овладѣла
Семьею первозданныхъ силъ,
Въ какое бъ радостное тѣло
Я всѣ міры соединилъ!

Державные боги,
Властители радостныхъ странъ!
Усталъ я отъ трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью изъ ранъ.

Такъ надо, такъ надо,—
Мнѣ вѣщій вашъ воронъ твердитъ.
Въ чертогахъ небесныхъ отрада,—
За трудъ и за муки награда,
За боль и за стыдъ.

Меня бы спросили,
Хочу ли отъ васъ я вѣнца!
Но вашей покоренъ я силѣ,
Вы тайно меня побѣдили,
И къ вамъ я иду до конца.

А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь,—
Лишь только въ безмолвіи ночи
Мгновенною молніей въ очи
Себѣ самовольно блеснуть.

Его отвергаю,
Я вамъ покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.

Моя печаль въ полночной дали,
Росой обрызгана, легла.
Въ единственной моей печали,
Въ безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.

Еще одной я вѣю страстью.
Ты, буйный вѣтеръ, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бѣшеною властью
Свѣвая прелесть бытія.

Всѣхъ чаръ безсильно обаянье,
И ни одной преграды нѣтъ.
Весь міръ—недолгое мечтанье,
И радость—только созерцанье,
И разумъ—только тихій свѣтъ.

Въ паденьи дня къ закату своему
Есть нѣчто мстительное, злое.
Не ты-ли призывалъ покой и тьму,
Изнемогая въ яркомъ знoѣ?
Не ты-ль хулилъ неистовство лучей
Владыки пламеннаго, Змія,
И прославлялъ блаженный миръ ночей
И звѣзды ясныя, благія?

И вотъ сбылось,—пылающій поникъ,
И далеко упали тѣни.
Земля свѣжа. Діанинъ ясный ликъ
Восходитъ, полонъ сладкой лѣни.
И онъ зоветъ къ безгласной тишинѣ,
И лишь затѣмъ онъ смотритъ въ очи,
Чтобы внушить мечту о долгомъ снѣ,
О долгой, безконечной ночи.

Оргійное безуміе въ винѣ,
Оно весь міръ смѣясь колышетъ,
Но въ трезвости и въ мирной тишинѣ
Порою то жъ безумье дышитъ.

Оно молчитъ въ нависнувшихъ вѣтвяхъ
И стережетъ въ пещерѣ жадной,
И, затаясь въ медлительныхъ струяхъ,
Оно зоветъ въ покой прохладный.

Порою, въ воду мирно погрузясь,
Вдругъ власть безумія признаетъ тѣло,
И чуешь ты таинственную связь
Съ твоей душой губительнаго дѣла.

Я томился въ чарахъ лунныхъ,
Были ясны лики дивныхъ дѣвъ,
И звучалъ на гусляхъ златострунныхъ
Сладостный напѣвъ.

Въ тишинѣ завороженной
Отъ подножья недоступныхъ горъ
Простирался свѣтлый и безсонный,
По нѣмой просторъ.

Къ вѣщей тайнѣ, несказанной
Звалъ печальный и холодный свѣтъ,
И струился въ даль благоуханный,
Радостный завѣтъ.

Стремленье гордое храня,
Ты долженъ тяжесть побороть.
Не отвращайся отъ огня,
Сжигающаго плоть.

Есть ядъ въ огнѣ; онъ—сладкій ядъ,
Его до капли жадно пей,—
Огни высокіе горятъ
И ярче, и больнѣй.

И какъ же къ цѣли ты дойдешь,
Когда не смѣешь ты горѣть?
Все, что ты любишь, чѣмъ живешь,
Ты долженъ одолѣть.

Пойми, что робко плоть храня,
Рабы боятся запылать,
А ты иди въ купель огня
Горѣть и не сгорать.

Изъ той купели выйдешь цѣлъ,
Омытъ спасающимъ огнемъ...
А если бъ кто въ огнѣ сгорѣлъ,
Такъ что жалѣть о немъ!

Меня печаль заворожила,—
И какъ ее разворожить?
Томитъ, что прежде мною жило,
Что жадно хочетъ мною жить.

И вся земля моя страдаетъ,
Томится весь ея просторъ,—
Здѣсь каждый ландышъ увядаетъ,
И угасаетъ каждый взоръ.

Но гдѣ-жъ начало всѣхъ страданій?
Увы, во мнѣ же ихъ истокъ!
Не я-ли самъ хотѣлъ желаній!
Не я-ли самъ къ себѣ жестокъ!

Но если я—творецъ томленья,
То что-жъ ропщу я, что тужу?
Блаженной правдой примиренья
Мою печаль разворожу,—

И по извилистымъ дорогамъ
Увижу правые пути,—
По крутоярамъ и по логамъ
Безъ утомленія итти.

Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебѣ открою,—
Все невинно, все смѣшно,
Все божественной игрою
Рождено и суждено.

Для торжественной забавы
Я порою къ вамъ схожу,
Собираю ваши травы,
И надъ ними ворожу,
И варю для васъ отравы.

Мой напитокъ пей до дна.
Въ немъ забвенье всѣхъ томленій;
Глубина его ясна,
Но великихъ утоленій
Преисполнена она.

Вспомни, какъ тебя блаженно
Забавляли въ жизни сны.
Все иное—неизмѣнно,
Нѣтъ спасенья, нѣтъ вины,
Все легко и все забвенно.

Въ долгихъ мукахъ разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь часъ творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.

Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мнѣ не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдѣльность – только ложь?

Не для прихоти мгновенной
Я извелъ тебя изъ тьмы,
Чтобы въ день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.

Въ безпредѣльности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушелъ я отъ творенья,
Поднялъ бремя воплощенья,
Сталъ такимъ же, какъ и ты.

Я слабѣю, я темнѣю,
Загорѣться мнѣ невмочь,
Я тоскою—мглою вѣю,
День гашу, взываю ночь.

Но въ ночи моей тревога,—
Шелеститъ мой темный садъ,
И пылитъ моя дорога,
И ручьи мои шумятъ,

И моя больная дума,
Въ небѣ тусклая луна,
Отъ раскаянья угрюма,
Отъ безсилія блѣдна.

Я влюбленъ въ мою игру.
Я играя самъ сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсѣмъ умру.

Умираю отъ страданій,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарей
Вывесть новый рой созданій.

Снова будутъ небеса,—
Не такія же, какъ ваши,—
Но опять изъ полной чаши
Я разсѣю чудеса.

Порочный отрокъ, онъ жилъ одинъ,
Въ мечтахъ и сказкахъ его душа цвѣла.
Въ тоскѣ туманной больныхъ долинъ
Его подругой была ночная мгла.

Она влетала въ его мечты
И зной и холодъ,—отраву злыхъ болотъ.
Очарованье безъ красоты!
Твои оковы никто не разорветъ.

Наслаждаяся любовью, лобызая милый ликъ,
Я услышалъ надъ собою, и узналъ зловѣщій кликъ.
И приникши къ изголовью, обагренный жаркой кровью,
Мой двойникъ, сверкая взоромъ, издѣвался надъ любовью.

Засверкала сталь кинжала, и кинжалъ вонзился въ грудь,
И она легла спокойно, а двойникъ сказалъ: забудь.
Надо быть какъ злое жало, жало свѣтлаго кинжала,
Что вонзилось прямо въ сердце, но любя не угрожало.

Не я воздвигъ ограду,
Не мнѣ ее разбить.
И что жъ! Найду отраду
За той оградой быть.

И что мнѣ помѣшаетъ
Воздвигнуть всѣ міры,
Которыхъ пожелаетъ
Законъ моей игры.

Я призрачную душу
До неба вознесу,
Воздвигну,—и разрушу
Мгновенную красу.

Что бьется за стѣною,—
Не все ли мнѣ равно.
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

Если есть Иной,
Здѣсь иль тамъ,
Нынѣ, въ часъ ночной,
Явенъ стань очамъ.

Погасилъ я всѣ свѣтила,
И на ложе я возлегъ,—
Благовонный дымъ кадила
У моихъ клубится ногъ.

Я лежу въ дыму куреній,
Какъ безсильный богъ.
Я не жду ни чьихъ моленій,—
Лишь тебя, мнѣ чуждый геній,
Призываю въ свой чертогъ.

Покажи свой ликъ,
Обрати свой взоръ
    На меня!
Или нѣтъ владыкъ,
У пучинъ, у горъ,
    У огня?

Бьютъ, звенятъ ручьи,
Тучи воду пьютъ,—
Какъ-же дни мои,
Для чего цвѣтутъ?

Я возникъ изъ почвы дикой,
Я расцвѣлъ въ недобрый часъ.
Для кого пылалъ костеръ великій,
Для чего угасъ?

Сквозь туманный дымъ кадила
Вижу я нездѣшнія черты.
О, невѣдомая Сила,
О иной, о дивный, это ты!

Ничего вокругъ не измѣнилось,
Но во мнѣ все сдѣлалось инымъ,—
Безглагольно-тайное открылось,
Таетъ жизнь моя, какъ дымъ.

Знаю я, что нѣтъ земного слова
Для Твоихъ безмолвныхъ откровеній,
Знаю я, что мнѣ томиться снова
Въ рабствѣ тягостныхъ сомнѣній,

И твое мгновенное явленье
Призракъ или свѣтъ,
Но спасенъ я въ краткое мгновенье,
Все равно,—то было вдохновенье,
Или бредъ.

АЛМАЗЪ.

(Д. С. Мережковскому).

Легкою игрою низводящій радугу на землю,
Раздробившій непреклонность слитныхъ зміевыхъ
рѣчей,
Мой алмазъ, горящій ярко безпредѣльностью
лучей,
Я твоимъ вѣщаньямъ вѣщимъ, многоцвѣтный свѣ-
точъ, внемлю.

Злой драконъ горитъ и блещетъ, ослѣпляя зоркій
глазъ.
Льется съ неба свѣтъ его, торжественно прямой
и бѣлый,
Но его я не прославлю, —я предъ нимъ поставлю
смѣлый,
Ограненный, но свободный и холодный мой алмазъ.

Посмотрите, — разбѣжались, развизжались бѣсе-
нята,
Такъ и блещутъ, и трепещутъ, огоньки и угольки,—
Синій, красный и зеленый, быстры, зыбки и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, — знайте, наше мѣсто
свято.

И простите бѣсенятамъ ложь ихъ зыбкую и дрожь.
Злой драконъ не знаетъ правды, и открыть ее не
можетъ.
Онъ волнуетъ и тревожитъ, и томленья наши
множитъ,
Но въ глаза взглянуть не смѣетъ, потому что весь
онъ—ложь.

Всѣ лучи похитивъ съ неба, лишь одинъ царить
онъ хочетъ.
Многоцвѣтный праздникъ жизни онъ таитъ отъ
нашихъ глазъ,
Въ яркой маскѣ ликъ свой кроетъ, стрѣлы пла-
менныя точитъ,—
Но хитросплетенье злое разлагаетъ мой алмазъ.

Здѣсь, на этомъ перекресткѣ,
въ тихій, чуткій часъ ночной
Ты стояла предо мною,
озаренная луной,
И, безсмертными словами
откровенье роковое
Повторяя, говорила,
что на свѣтѣ только двое,
Что въ созданьи многоликомъ
только я и только ты
Въ спорѣ вѣчномъ и великомъ
сплетены, но не слиты.

Обѣ темныя дороги
въ ожиданіи молчали.
Ночь внимала и томилась
отъ восторга и печали.
И въ сіяньи непорочномъ,
въ полуночной тишинѣ
Всѣ дыханья, всѣ желанья
возвращались вновь ко мнѣ.
Только ты одна таилась,
не стремилась къ нашей встрѣчѣ,
Вѣщимъ снамъ противорѣча,
вѣчно близко и далече.

Водой спокойной отражены,
Они безстрастно обнажены
При свѣтѣ тихомъ ночной луны.
Два отрока, двѣ дѣвы творятъ ночной обрядъ,
И тихіе напѣвы таинственно звучатъ.
Стопами бѣлыхъ ногъ едва колеблютъ струи,
И волны, зыбляся у ногъ, звучатъ какъ поцѣлуи.

Сіяетъ мѣсяцъ съ горы небесъ,
Внимаетъ гимнамъ безмолвный лѣсъ,
Пора настала ночныхъ чудесъ.
Оставлены одежды у темнаго пути.
Свершаются надежды,—обратно не итти.
Таинственный порогъ, завѣтная ограда,
Переступить порогъ, переступить имъ надо.

Ихъ отраженья въ водѣ видны,
И всѣ движенья повторены
Въ завороженныхъ лучахъ луны.
Огонь, пылавшій въ тѣлѣ, томительно погасъ,—
Въ торжественномъ предѣлѣ насталъ послѣдній
часъ.
Стопами бѣлыхъ ногъ, омытыми отъ пыли,
Таинственный порогъ они переступили.

Угасъ дневной надменный свѣтъ,
Угомонились злые шумы,—
И наступаетъ ванъ разсвѣтъ,
Благія, творческія думы.

Темнѣе сумракъ за окномъ,
Свѣтлѣе кроткая лампада.
Въ уединеніи ночномъ
Успокоеніе, отрада.

Преображается въ мечтахъ
Дневное горькое томленье,
И все, что было злость и страхъ,
Теперь смиренное моленье,

Благоухая и звеня,
Восходитъ къ Божьему престолу,
А тѣни суетнаго дня
Скользя, блѣднѣя, никнутъ долу.

Быть простымъ, одинокимъ,
Навсегда,— иль надолго, уйти отъ людей,
Любоваться лишь небомъ высокимъ,
Лепетанie слушать вѣтвей,
Выходить на лѣсныя дороги
Безъ казны золотой, безъ сапогъ,
Позабывъ городскie чертоги
И толпу надоѣдливыхъ, темныхъ тревогъ.

Но на всякой тропинкѣ
Кто-нибудь да идетъ
И въ рукахъ иль корзинкѣ
Что-нибудь да несетъ.
Всюду крики, ауканье, рѣчи,
И ребячiй безсмысленный смѣхъ,
И ненужныя, глупыя встрѣчи,
И бренчанье ненужныхъ потѣхъ.
И одежды веригамъ подобны,
И деньгами оттянутъ карманъ,

И голодные нищіе злобны,
И въ домахъ притаился обманъ.

О, пустынная радость!
О, безлюдье далекихъ равнинъ!
Тишины безмятежная сладость,—
И внимающій—только одинъ.

Милый братъ мой, вздымающій крылья
Выше лѣса и тучъ,
Изъ отчизны тупого безсилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь...

Радость на вѣкъ для тебя недоступна,
Напрасны одинокія мечты,
Не потому, что ты преступна,
Не потому, что безумна ты.

Какъ ангелъ чистый и непорочный,
Утраченный небесною семьей,
Ты томишься звѣздой полуночной
Надъ преступной и безумной землей.

О, зачѣмъ въ этомъ мірѣ ужасномъ
Посреди этихъ злыхъ людей
Томишься ты пламенемъ напраснымъ,
Забытая родиною своей!

Склоняясь къ смерти и блѣднѣя,
Ты въ красоту небесъ вошла.
Какъ безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвѣла.

Такой красы нашъ міръ не знаетъ,—
Ей подобаетъ тишина,
Ея веселость не прельщаетъ,
Ея не радуетъ весна.

Въ ней—неземная благостыня,
Въ ней—вѣчной тайны благодать.
Она—нездѣшняя святыня,—
Предъ ней—склониться и молчать.

Дни безрадостно пустынны,
Вѣрный спутникъ мой—тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.

Для меня законъ—смиренье,
Удаленье отъ борьбы,
И безмолвное терпѣнье
Въ испытаніяхъ судьбы.

Жизнь моя надъ суетою
Вознеслась, землѣ чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звѣзда.

Сквозь пыльный столбъ, какъ яркое мечтанье,
Пронизаны лучи.
Создатель мой, прости мое страданье,
И смѣху научи.

Сухая пыль вздымается съ дороги,
Каменья на пути.
Наскучило въ медлительной тревогѣ
Невѣсть куда итти.

Томятъ меня, какъ знойное дыханье,
Небесные лучи.
Создатель мой, прости мое скитанье,
Покою научи.

Мечта далекихъ вдохновеній,
Любовь къ иному бытію,
Стреми вдали отъ воплощеній
Твою эфирную ладью.

Съ моимъ болѣзненнымъ томленьемъ
Святой тоски не сочетай,
Обрадуй призрачнымъ явленьемъ
И, невозвратная, растай.

По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди,
Въ часы раздумья не ходи,—
Весь воздухъ выпьютъ людскія груди,
Проснется страхъ въ твоей груди.

Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И тамъ безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

Въ чародѣйномъ, темномъ кругѣ,
все простивъ, что было днемъ,
Далъ Я знакъ Моей подругѣ
тихо вспыхнувшимъ огнемъ.

И она пришла, какъ прежде,
подъ покровомъ темноты.
Позабылъ я всѣ вопросы,
и спросилъ я:—Кто же ты?

И она съ укоромъ кроткимъ
посмотрѣла на меня.
Ликъ ея былъ странно блѣденъ
въ свѣтѣ тайнаго огня.

Вкругъ нея витали чары
насъ обнявшаго кольца,—
И внезапно сталъ мнѣ внятенъ
очеркъ близкаго лица.

Вѣнкомъ изъ руты увѣнчали
Меня суровыя печали,—
И охладѣла мысль моя,
Въ душѣ смирилася тревога,
Сужу отчетливо и строго,
Моей неправды не тая.

Не поклоняюсь я иному,
Ни богу доброму, ни злому,
Но и не спорю тщетно съ нимъ:
Творцу ль сердиться на созданья?
Огню ль въ минуту угасанья
Роптать на пепелъ и на дымъ?

Все благо, только это тѣло
Въ грѣхахъ и въ злобѣ закоснѣло,
Но есть могила для него,—
И смерть безстрастно я прославлю,
И такъ же все легко поправлю,
Какъ создалъ все изъ ничего.

Преодолѣлъ я дикій холодъ
Земныхъ страданій и невзгодъ,
И снова непорочно молодъ,
Какъ въ первозданный майскій годъ.

Вернувшись къ ясному смиренью,
Чужіе лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цвѣтущее хвалю.

Привѣтъ вамъ, небеса и воды,
Земля, движенье и слѣды,
И краткій, сладкій мигъ свободы,
И неустанные труды.

Огонь, пылающій въ крови моей,
Меня не утомилъ.
Еще я жду,—какихъ-то новыхъ дней,
Возстановленья силъ.

Спѣшу забыть всѣ видѣнные сны,
И только сохранить
Привычку къ снамъ,—полуночной весны
Пылающую нить.

Все тихое опять окрестъ меня,
И солнце и луна,
Но сладкаго, безумнаго огня
Душа моя полна.

Всѣ были сказаны давно
Завѣты сладостной свободы,—
И прежде претворялись воды
Въ животворящее вино.

Припомни бракъ еврейскій въ Канѣ,
И чудо первое Христа,—
И омочи свои уста
Водою, налитой въ стаканѣ.

И если вѣрный ученикъ
Въ тебѣ воскреснетъ,—токъ прозрачный
Разсѣетъ сонъ неволи мрачной,
Ты станешь свѣтелъ и великъ.

Что было свѣтлою водою,
То сердцемъ въ кровь претворено.
Какое крѣпкое вино!
Какою бьетъ оно струею!

Отъ куростѣновъ на поляхъ
До ярко-знойнаго свѣтила
Въ движеньяхъ, звукахъ и цвѣтахъ
Царитъ зиждительная сила.

Какъ мнѣ не чувствовать ее
И по холмамъ, и по оврагамъ!
Земное бытіе мое
Она вѣнчаетъ зломъ и благомъ.

Волной въ ручьѣ моемъ звеня,
Лаская радостное тѣло,
Она несетъ, несетъ меня,
Ея стремленьямъ нѣтъ предѣла.

Проснулся день, ликуетъ твердь,
Въ лѣсу подружку птица кличетъ.
О, сила дивная, и смерть
Твоихъ причудъ не ограничитъ!

Яркой одѣтъ багряницей,
Гладко власы расчесавъ,
Тихо идетъ онъ съ цѣвницей
Между увлаженныхъ травъ.

Очи отверстыя кротки,
Какъ у невинныхъ невѣстъ,
И на рукѣ его четки,
И на груди его крестъ.

Шествуетъ тихо въ зеленомъ
Благоуханномъ саду.
Чернымъ одѣтый хитономъ,
Робко за нимъ я иду.

Цѣлуйте руки
У нѣжныхъ дѣвъ,
Широкій плащъ разлуки
На нихъ надѣвъ.

Цѣлуйте плечи
У милыхъ женъ,—
Покой блаженной встрѣчи
Имъ возведенъ.

Цѣлуйте ноги
У матерей,—
Надъ ними бичъ тревоги
За ихъ дѣтей.

Не повѣрь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
Покоряйся.
Что пропало, не вернешь,
Ждешь чего, то, вѣрно, ложь,
Не прельщайся.
Краток праздникъ бытія.
Жизнь твоя и не твоя,—
Наслаждайся.

Твоя душа—кристаллъ, дрожащій
Въ очарованьи свѣтлыхъ струй,
Но что ей въ жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!

Въ очарованіяхъ безсиленъ
Горящій неизмѣнно здѣсь.
Нашъ дольній воздухъ смрадно пыленъ,
Душѣ мила иная весь.

Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь къ нимъ,
Къ этимъ горько-преходящимъ
Наслажденіямъ земнымъ.

Какъ ребенокъ развлекаюсь
Мимолетною игрой,
И доволенъ настоящимъ,—
Полднемъ радостнымъ и тьмой.

Если невольно
Слезы польются изъ глазъ,
Въ небо гляжу богомольно
Въ полуночный часъ.

Слезы печали
Звѣздъ не затмять ни на мигъ.
Ясныя звѣздныя дали
Я сердцемъ постигъ.

Слышу голосъ милой,
Вижу милый ликъ.
Не моей ли силой
Милый ликъ возникъ?

Развѣ есть иное?
Въ тишинѣ долинъ
Мы съ тобой не двое,–
Я съ тобой одинъ.

Мнѣ-ль цвѣткомъ измятымъ
Къ нѣжной груди льнуть!
Сладкимъ ароматомъ
Мнѣ, какъ прежде, будь.

Я дорогой невинной и смѣлою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и дѣлаю,—
Вотъ свобода моя.

Научитесь хотѣнью упорному,
Наберитесь ликующихъ силъ,
Чтобъ зовущій къ пристанищу черному
Васъ косой не скосилъ,-

И повѣрьте великимъ вѣщаніямъ,
Что свобода не вѣдаетъ зла,
Что она только яснымъ желаніямъ
Силу жизни дала.

Я подарю тебѣ рубинъ,
Въ немъ кровь горитъ въ моемъ огнѣ.
Когда останешься одинъ,
Рубинъ напомнитъ обо мнѣ.

Въ немъ кристаллическій огонь
И металлическая кровь,—
Онъ тихо ляжетъ на ладонь
И обо мнѣ напомнитъ вновь.

Весь окровавленный кристаллъ
Горитъ невѣдомымъ огнемъ.
Я самъ его зачаровалъ
Безмолвнымъ, неподвижнымъ сномъ.

Не говоритъ онъ о любви,
И не любовь въ его огнѣ,—
Въ его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо мнѣ.

Своеволіемъ рока
Мы на разныхъ путяхъ бытія,—
Я печальное око,
Ты—веселая рѣзвость ручья;

Я—томленіе злое,
Ты—прохладная влага въ поляхъ,—
Мы воистину двое,
Мы на разныхъ, далекихъ путяхъ.

Но въ безмолвіи ночи,
Къ единенію думы склоня,
Ты закрой свои очи,
Позабудь наважденія дня,—

И въ блаженномъ молчаніи
Ты постигнешь законъ бытія.—
Все едино въ созданіи,
Гдѣ сознанью возникнуть, тамъ Я.

Околдовалъ я всю природу,
И оковалъ я каждый мигъ.
Какую страшную свободу
Я чародѣйствуя постигъ!

И развернулась безъ предѣла
Моя предвѣчная вина,
И далеко простерлось тѣло,
И такъ разверзлась глубина!

Воззвавъ къ первоначальной силѣ,
Я бросилъ вызовъ небесамъ,
Но мнѣ свѣтила возвѣстили,
Что я природу создалъ самъ.

Въ послѣднемъ свѣтѣ злого дня,
Въ паденьи силъ, въ затменьи бога,
Передъ тобой моя дорога.
Приди ко Мнѣ, люби Меня.

Въ мірахъ все призрачно и тлѣнно,—
Но вотъ Я заповѣдь даю,
Она навѣки неизмѣнна:
Люби Меня и жизнь Мою.

Я—все во всемъ, и нѣтъ Иного.
Во мнѣ родникъ живого дня.
Во тьмѣ томленія земного
Я—вѣрный путь. Люби Меня.

Не говори, что здѣсь свобода,
И не хули моихъ веригъ,—
И надъ тобою, Мать природа,
Мои законы Я воздвигъ.

Я начерталъ мои законы
На каждомъ камнѣ и стволѣ.
Звени, ручей, лобзая склоны,
Влачись по низменной землѣ.

Ласкайся къ змѣю золотому,
Прозрачный паръ, стремися ввысь,
Но къ лону темному, земному
Въ свой срокъ послушно воротись.

Простора нѣтъ для своеволья,—
Въ свой срокъ и птицамъ и цвѣтамъ
Я, жизнь имъ давшій и раздолья,
Въ землѣ успокоенье дамъ.

Не конченъ путь далекій.
Усталый, одинокій,
Сижу я въ поздній часъ.
Туманны всѣ дороги,
Роса мнѣ мочитъ ноги,
И мой костеръ погасъ,
И нѣтъ въ широкомъ полѣ
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой волѣ,
Свободная душа!

Все въ этомъ темномъ полѣ
Одной покорно волѣ.
Вся эта ночь — моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, —
Все мнѣ согласно внемлетъ,
Мечтой моей дыша.

Въ моемъ томленьѣ дремлетъ
Всемірная душа.

Далекъ предѣлъ высокій.
Усталый, одинокій,
Надъ влажною золой,
Я самъ собою свѣтелъ, —
Я путь себѣ намѣтилъ
Не добрый и не злой, —
И нѣтъ въ широкомъ полѣ
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой волѣ,
Свободная душа!

То не слезы,—только росы, только дождь.
Не раздумье,—только тѣни темныхъ рощъ,
И не радость,—только блещетъ яркій змѣй,—
Все же плакать и смѣяться ты умѣй!
Плоть и въ свѣтѣ неподвижна и темна,
Надъ огнями бездыханна, холодна.
Въ темномъ мірѣ неживого бытія
Жизнь живая, солнце міра—только Я.

Благоухающій и блѣдный,
Ты ждалъ меня, мой ландышъ бѣдный,
И безъ меня въ тоскѣ поблекъ,
А я замедлилъ на дорогѣ,
И я, какъ ты, въ нѣмой тревогѣ,
Въ уединеньи изнемогъ.

Въ больной тоскѣ разъединенья
Влачились дней безумныхъ звенья,
Я раскрывалъ за далью даль,
Мечтамъ не ставилъ я предѣла,
И надъ тобой отяготѣла
Моя холодная печаль.

Въ просвѣты листьевъ надъ тобою
Синѣлъ бездонной глубиною
Невозмутимый мой просторъ.
Я былъ безумнымъ и жестокимъ,
И надъ тобой шатромъ высокимъ
Я смерть всемірную простеръ.

Разъединить себя съ другимъ собою,
Великая ошибка бытія.
Здѣсь дышитъ все насильемъ и борьбою,
Дубравы шумъ, и вѣтра гулъ, и плескъ ручья.
Разъединить себя съ другимъ собою—
О, для чего придумалъ я!

И былъ я долго очарованъ
Моей печальною и лживою мечтой,
Нетлѣнной цѣпью, временемъ, окованъ,
Пространствомъ сжатъ,— могильною плитой.
И былъ я тяжко очарованъ
Многообразной и мгновенной красотой.

И наконецъ игра мнѣ надоѣла,—
Пустая, тлѣнная, напрасная игра.
Изсякли чары съ творческаго дѣла,
Развѣнчаны властители добра,—
Игра безцѣльная мнѣ надоѣла,
Соединить себя съ другимъ собой пора.

Опьянѣніе печали, озаренье тихихъ, тусклыхъ свѣчъ, —
Мы не ждали, не гадали, не искали на землѣ и въ небѣ встрѣчъ.

Обагряя землю кровью, мы любовью возрастили тѣ цвѣты,
Гдѣ сверкало, угрожая, злое жало безнадежной красоты.

И въ пустыняхъ терпѣливыхъ нами созданной земли
Въ напряженіи мечтанья и желанья вдругъ другъ друга мы нашли,

Для печали и для боли, для безумія, для грозъ...
Торжество беамѣрной воли, это Я тебя вознесъ.

На гибельной дорогѣ
Послѣднимъ зломъ грѣша,
Въ томительной тревогѣ
Горитъ моя душа.

Святое озаренье
Унылыхъ этихъ мѣстъ,
Сіяло утѣшенье,
Яснѣйшая изъ звѣздъ.

Но, чары расторгая
Кругомъ обставшихъ силъ,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасилъ.

И вотъ—подъемлю стоны,
Но подвигъ мой свершу:
Безсмертные законы
Безстрастно напишу.

Творенья не покину,
Но, все ко мнѣ склоня,
Дамъ заповѣдь едину:
Люби, люби меня.

Вѣнчанъ вѣнцомъ терновымъ,
Несмѣтные пути
Воздвигну словомъ новымъ,
Но всѣ—ко Мнѣ итти.

Насталъ конецъ утѣхамъ,
Страдать и мнѣ пора,—
Гремятъ безумнымъ смѣхомъ
Долина и гора.

Но заповѣдь едину
Безстрастно я простеръ
На темную долину,
На выси гордыхъ горъ.

Я одинъ въ безбрежномъ мірѣ, я обманъ личинъ
отвергъ.
Змій въ пылающей порфирѣ предъ моимъ огнемъ
померкъ.

Раздѣленья захотѣлъ я и воздвигъ широкій кругъ,
Вольный міръ огня, веселья, сочетаній и разлукъ.

Но наскучила мнѣ радость перемѣнчивыхъ лучей,
Я зову иную сладость, слитность вѣрную ночей.

Темнота ночная пала, скрылась блѣдная луна,
И подъ сѣнью покрывала ты опять со мной одна.

Ты оставила одежды у порога моего.
Исполненіе надежды—радость тѣла твоего.

Предо мною ты нагая, какъ въ творящій первый
часъ.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свѣтъ погасъ.

Ласки пламенныя чую, вся въ огнѣ жестокомъ
кровь.
Вѣсть пріемлю роковую:—Ты одинъ со мною
вновь.—

Поднимаю безсонные взоры,
И луну въ небеса вывожу,
Въ небесахъ зажигаю узоры,
И звѣздами изъ нихъ ворожу,

Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лѣсовъ и полей,
И бужу безпокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьмѣ и въ тиши,
И цвѣту я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

Я здѣсь одинъ, жестокъ мой рокъ,
А ты—покоишься далече,—
Но предуставленъ Богомъ срокъ,
Когда свершиться нашей встрѣчѣ.

Въ пыли томительныхъ дорогъ
Окончивъ путь изъ веси дальной,
Ты станешь тихо на порогъ
Моей обители печальной.

Въ невозмутимой тишинѣ,
Къ мерцанью свѣчъ изъ мрака ночи
Ты подойдешь, потупивъ очи,
Ты ничего не скажешь мнѣ.

Не засіяютъ ярче свѣчи,
И за окномъ не дрогнетъ мракъ,
И никакой для нашей встрѣчи
Не будетъ явленъ внѣшній знакъ,

Но, Божьимъ радуясь велѣньямъ,
Согласованьямъ бытія,
Внезапнымъ вспыхнетъ вдохновеньемъ
Душа усталая моя.

Такъ, вѣрю я,—для дивной встрѣчи
Предустановленъ тайный срокъ.
Покойся-жъ, вѣрный другъ, далече,
Томи меня, жестокій рокъ!

Обольщенья и печали,
Отойдите отъ меня.
Вы не разъ меня вѣнчали,
Чаровали, величали,
Слаще ночи, ярче дня.

Ваши ласки были жгучи,
Какъ лобзанія бича,—
Но пора! Иныя тучи
Надо мной, дорога круче,—
И къ чертогу нѣтъ ключа.

Почему не подчиняться?
Почему не заблуждаться?
Есть-ли гдѣ законъ чужой?
И не я-ли все объемлю,
Небо, пламя, воду, землю,
Созидающей душой?

Наслажденья и мученья,
Заблужденья и прозрѣнья,
Все свершаю только я,
Воздвигаю всѣ стихіи,
Всѣ удѣлы роковые,
Въ самовольствѣ бытія.

Равно для сердца мило,
Равно волнуетъ кровь
И то, что прежде было,
И то, что будетъ вновь,
И темная могила,
И свѣтлая любовь.

А то, что длится нынѣ,
Что мы зовемъ своимъ,
Въ безрадостной пустынѣ
Обманчиво, какъ дымъ.
Томимся о святынѣ,
Завидуемъ инымъ.

Свѣтлой предутренней грезой,
Очеркомъ тонкимъ и нѣжнымъ,
Дѣвственно-бѣлою розой
Свѣтится въ сердцѣ мятежномъ,—

Нѣтъ, не земною женою,
Нѣтъ, не изъ дольныхъ селеній!
Это туманной порою
Небомъ потерянный геній.

Въ свѣтлый день похоронили
Мы склонившуюся тѣнь.
Кто безгласенъ былъ въ могилѣ,
Тотъ воскресъ въ великій день,

И свѣтло ликуетъ съ нами,
Кто прошелъ сквозь холодъ тьмы,
Кто измученъ злыми снами
Въ темныхъ областяхъ зимы.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Сѣлъ Иванъ-Царевичъ
На коня лихого.
Молвилъ намъ Царевичъ
Ласковое слово:

— Грозный мечъ подъемлю,
Въ бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана.—

Годъ проходитъ. Мчится
Вѣстникъ—воинъ блѣдный.
Онъ поспѣшно мчится.
Шлемъ изсѣченъ мѣдный.

— Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.
Кстати иль не кстати,
Запасайте гробы.

— Нашъ Иванъ-Царевичъ
Бился съ многой славой.—
— Гдѣ-жъ Иванъ-Царевичъ?—
— Въ битвѣ палъ кровавой.—

СОБОРНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ.

1.

Давно въ степи блуждая дикой,
Вдали отъ шумнаго жилья,
Внезапно благовѣстъ великій,
Соборный звонъ услышалъ я.

Охваченъ трепетнымъ смятеньемъ,
Забывши тѣсный мой шалашъ,
Спѣшу къ проснувшимся селеньямъ,
Твержу:—Товарищи, я вашъ!—

Унынье темное уснуло,
Оставилъ душу блѣдный страхъ,—
И сколько говора и гула
На перекресткахъ и путяхъ!

2.

Клеветники толпою черной
У входа въ городъ намъ кричатъ:
— Вернитесь! То не звонъ соборный,
А возмущающій набатъ.—

Но кто повѣритъ лживымъ кликамъ?
Кому ихъ злоба не ясна,
Когда въ согласіи великомъ
Встаетъ родимая страна?

3.

Въ толпѣ благимъ вѣщаньямъ внемлютъ.
Соборный колоколъ великъ,
Труды безстрашные подъемлютъ
Его торжественный языкъ.

Онъ долго спалъ, надъ колокольней
Зловѣщимъ призракомъ вися,
Пока дремотой подневольной
Кругомъ земля дремала вся.

Свободный вѣтеръ бури дальной,
Порою мчась издалека,
Не могъ разрушить сонъ печальный,
Колыша мѣдные бока.

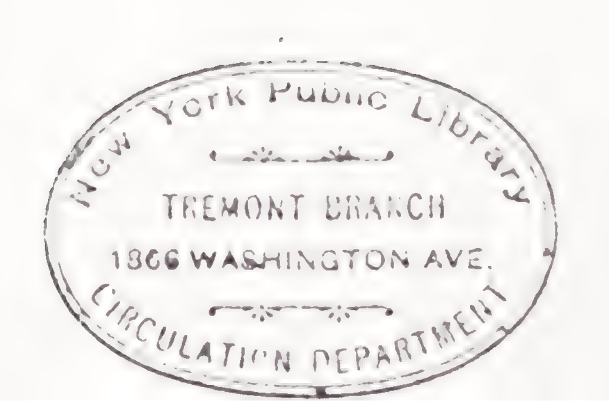
И лишь порою стонъ неясный
Издастъ тоскующая мѣдь,
Чтобы въ дремотѣ безучастной
Опять безсильно онѣмѣть.

Но часъ насталъ, запретъ нарушенъ,
Разрушенъ давній тяжкій сонъ,
Порыву гордому послушенъ
Торжественно-свободный звонъ.

4.

Слѣпой судьбѣ противорѣча,
Горитъ надеждами востокъ,
И праздникъ радостнаго вѣча,
Великій праздникъ, не далекъ.

Онъ купленъ кровью нашихъ братій,
Слезами матерей омытъ,
И вопль враждующихъ проклятій
Его побѣды не смутитъ.

ВРЕМЯ БИТВЫ.

Наше злое время—время лютой битвы.
Прочь кимвалъ и лиру! гимновъ не просите,
Золотыя струны на псалтири рвите!
Ненавистны пѣсни, не къ чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте кличъ суровой чести,
Кличъ, въ которомъ слышенъ голосъ кровной мести,
Кличъ, въ которомъ дышетъ сила огневая.

Пѣсни будутъ спѣты только послѣ боя,
Въ лагерѣ побѣды,—тамъ огни зажгутся,
Тамъ съ гремящей лиры звуки понесутся,
Тамъ польется пѣсня въ похвалу героя.

Надъ тѣлами-жъ мертвымъ, ночью послѣ сѣчи,
Будетъ пѣть да плакать только вѣтеръ буйный
И, плеща волною рѣчки тихоструйной,
Поведетъ съ лозою жалобныя рѣчи.

ГИМНЫ РОДИНѢ.

1.

О Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Твоихъ равнинъ нѣмыя дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышатъ небеса,
Среди болотъ, въ безсильи хиломъ,
Цвѣткомъ поникшимъ и унылымъ,
Восходитъ блѣдная краса.

Твои суровые просторы
Томятъ тоскующіе взоры
И души, полныя тоской.

Но и въ отчаяньи есть сладость.
Тебѣ, отчизна, стонъ и радость,
И безнадежность, и покой.

Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О Русь, о родина моя.
Тебѣ, въ тоскѣ изнемогая,
Слагаю гимны я.

2.

Люблю я грусть твоихъ просторовъ,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылыхъ приговоровъ
Я не боюсь и не стыжусь.

И всѣ твои пути мнѣ милы,
И пусть грозитъ безумный путь
И тьмой, и холодомъ могилы,
Я не хочу съ него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, какъ молитву наизусть,
Твержу все тѣ-жъ четыре слова:
„Какой просторъ! Какая грусть!“

3.

Печалью, безсмертной печалью
Родимая дышетъ страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода побѣды ликуетъ
Въ чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскуетъ
Вдали отъ родимой земли.

Въ безумныхъ, въ напрасныхъ томленьяхъ
Томясь какъ заклятая тѣнь,
Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ,
О думѣ родныхъ деревень.

НЕУРОЖАЙ.

Надъ полями ходитъ и сердито ропщетъ
Злой Неурожай,
Взоромъ землю сушитъ и колосья топчетъ,—
Стрибогъ, помогай!

Ходитъ дикій, злобный, хлѣбъ и мнетъ и душитъ,
Обошелъ весь край,
И повсюду землю гнѣвнымъ взоромъ сушитъ,—
Стрибогъ, помогай!

Губитъ нашихъ дѣтокъ неподвижнымъ взоромъ
Злой Неурожай.
Голодомъ томимы, молимъ хриплымъ хоромъ:
Стрибогъ, помогай!

Не доживу до свѣтлыхъ дней,
Не обрѣту тебя, свобода,
И вдохновеннаго народа
Я не увижу. Въ міръ тѣней,
Какъ отъ пустого сновидѣнья,
Я перейду безъ сожалѣнья
И безъ тоски. Но все-же я
Изъ темныхъ нѣдръ небытія
Хотѣлъ-бы встать на часъ единый,—
Передъ всемірною кончиной
Извѣдать ясность житія.

О, какъ мы слабы и ничтожны!
Мы и смѣемся, и рыдаемъ.
Слова и взоры наши ложны,
И правды мы не знаемъ.

Блаженъ могучій и покорный.
Въ немъ есть терпѣнье и рѣшимость.
Предъ свѣтлымъ днемъ, предъ ночью черной
Онъ сохранитъ невозмутимость.

Розы битвъ жестокихъ
На поляхъ далекихъ,—
Алой крови розы
На поляхъ чужбины.

Матерей томленье,
Слезы и моленье,—
Льются, льются слезы,
Слезы злой кручины.

ЖАРКИМЪ ЛѢТОМЪ.

Безумно душенъ и тяжелъ
Горячій воздухъ. Лютый, красный,
Драконъ качается,—напрасный
И безнадежный произволъ.

Долину сонную объемлетъ
Изнемогающая лѣнь,
И тишина въ поляхъ, и дремлетъ
Лѣсная тѣнь.

Не отдыхаетъ въ полѣ жница.
Ее бичуетъ лютый зной.
Не разъ невольною слезой
Ея увлажена рѣсница.

Съ серномъ сгибается она,
Не видя грозныхъ нивъ лазури,—
Но близость бури, милой бури
Ея томленію ясна...

И ярой бури ждетъ долина,
И неподвижно вся молчитъ,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожитъ.

Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующемъ востокѣ
Льется братьевъ нашихъ кровь,

И, о мирѣ воздыхая,
Слезно Господа моля,
Вся отъ края и до края
Стонетъ русская земля.

Слезы матери печальной!
Кто ведетъ вамъ поздній счетъ?
Кто странѣ многострадальной
Утѣшенье принесетъ?

Для чего этой тлѣнною жизнью болѣть
И къ утѣхамъ ея мимолетнымъ стремиться?
Есть блаженство одно: сномъ безгрезнымъ забыться
Навсегда,—умереть.

Вотъ волна набѣжала на влажный песокъ,
Прошептала прощальный привѣтъ, и разбилась;
Вотъ въ далекомъ оконкѣ потухъ огонекъ,
Вотъ звѣзда, догорая, скатилась.

Въ умираньи, въ безропотномъ этомъ мельканьи
Для души, безнадежно отравленной, есть
Благодатная тайна,—о вѣчномъ созданьи
Вожделѣнная вѣсть.

Высоко я тебя поставилъ,
Свѣтло зажегъ, облекъ въ лучи,
Всемірной славою прославилъ,—
Но отъ склоненій не избавилъ,
И въ яркій жаръ твой я направилъ
Неотразимые мечи.

Горишь-ли ты надъ небосклономъ,
Иль утомленный клонишь ликъ,—
Мои мечи съ тяжелымъ звономъ
Тебя разятъ,—и долгимъ стономъ
Моимъ отвѣтствуя законамъ,
Ты къ алымъ областямъ приникъ.

И ужъ напрасно хочешь цѣлымъ
Остаться ты, надменный Змѣй,
Святымъ, торжественнымъ и бѣлымъ,—
Я волю далъ возстаньямъ смѣлымъ.
Стремись-же къ пламеннымъ предѣламъ,
И тяготѣя пламенѣй.

Я печаленъ, я грѣшенъ,—
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотою утѣшенъ
Въ озареньи ночного огня.

Не украшены стѣны,
Желтымъ воскомъ мой полъ не натертъ,—
Я твоей не боюся измѣны,
Я великою вѣрою твердъ.

И на шаткой скамейкѣ
Ты, босая, сидѣла со мной,
И въ тебѣ, роковой чародѣйкѣ,
Зажигался плѣнительный зной.

Есть у бѣдности сила,—
И печалью измученный взоръ
Зажигаетъ святыя свѣтила,
Озаряетъ великій просторъ.

Какъ тучки въ небѣ, въ сердцѣ таютъ
Желанья гордыя мои,
И голоса мечты смолкаютъ,
Какъ на разсвѣтѣ соловьи.

Забывъ надменные порывы,
Ловя попутную струю,
Стремлю въ покойные заливы
        Мою ладью,—

И тамъ, гдѣ темной тѣнью ветелъ
Я буду кротко осѣненъ,
Все то, чѣмъ душу я заботилъ,
Отвѣтъ непробудный сонъ.

Тихая дорога,
И надъ нею сосны.
Отдохнемъ немного,
Комары несносны.

Смотрятъ дѣти хижинъ
Въ тихомъ нетерпѣньи,
Но заливъ недвиженъ
Лодки въ отдаленіи.

Видишь,—на закатѣ
Тихо и багряно.
Стекла въ дальней хатѣ
Свѣтятся румяно.

Птицы раннія чирикали,—
Ты надѣла сарафанъ.
Не тебя-ли это кликали
За ночной туманъ?

Чуть прикрыта тканью тонкою,
Безъ платка и босикомъ,
Съ пѣсней радостной и звонкою,
Ты проходишь подъ окномъ.

Надъ тобой вѣтвями сочными
Зашумѣлъ зеленый садъ,—
За мечтами непорочными
Очи весело глядятъ.

Дали все еще туманятся,
На травѣ еще роса,—
Щеки нѣжныя румянятся,
Развѣвается коса.

Тропинка вьется,
Рѣка близка,
И чья-то пѣсня раздается
Издалека.

Изъ-за тумана
Струясь, горя,
Восходитъ медленно и рано
Моя заря.

И надъ рѣкою
Проходишь ты.
Цвѣтутъ надъ мутной глубиною
Твои мечты.

И нѣтъ печали,
И злыхъ тревогъ,—
Росинки смѣхомъ задрожали
У милыхъ ногъ.

Прохладная забава,—
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая рѣка.

Въ простой нарядъ одѣта,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лѣто
Улыбкою хваля.

Я тихо подымаю
Два легкія весла.
Твои мечты я знаю,—
Душа твоя свѣтла.

Ты слышишь въ лепетаньи
Прозрачныхъ, тихихъ струй
Безгрѣшное мечтанье,
Невинный поцѣлуй.

Прозрачный сокъ смолистый,
Застывшій на корѣ.
Пронизанъ воздухъ мглистый
Мечтаньемъ о зарѣ.

Скамейка у забора,
Далекій плескъ рѣки.
Разстаться надо скоро...
Пожатіе руки...

Ты скрылась въ тѣнь густую
Въ замолкнувшемъ саду.
Гляжу во мглу ночную,
Одинъ въ поляхъ иду.

Застѣнчивой весною,
Стыдяся бѣлыхъ ногъ,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорогъ.

Но только ноги тронетъ
Едва-едва загаръ,
Твой легкій стыдъ утонетъ
Въ дыханьи вешнихъ чаръ,

И въ поле ты, босая,—
Въ платочкѣ голова,—
Пойдешь, цвѣткамъ бросая
Веселыя слова.

Опять заря смѣяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свѣжей зелени роса.

Ты гордый стыдъ преодолѣла,
Ты побѣдила сонмъ тревогъ,
И пышныхъ платьевъ не надѣла,
И не обула нѣжныхъ ногъ.

Конецъ исканіямъ мятежнымъ.
Одинъ лишь путь, смиренный, правъ.
Къ твоимъ ногамъ, въ лобзаньи нѣжномъ,
Приникли стебли тихихъ травъ.

И свѣжесть утренней прохлады
Тебя лаская обняла.
Цвѣты душисты, птицы рады,
Душа свободна и смѣла.

Прикосновенье сочныхъ травъ
Къ твоимъ ногамъ и ласково и нѣжно.
Смиренный путь спасителенъ и правъ,
А ты бѣжалъ его мятежно.

Теперь, спокойный и простой,
Ты вышелъ на просторъ, и радъ простору.
И небо такъ спокойно надъ тобой,
И такъ вся даль доступна взору.

Убитыя камнемъ дороги жестоки.
Лѣсная прохлада, обвѣй, очаруй.
Кто въ бродъ переходитъ лѣсные потоки,
Тотъ знаетъ, какъ сладки лобзанія струй.

Омытыя ноги высоко открыты,
Цѣлуя колѣни, ликуетъ волна.
Отъ свѣта, отъ вѣтра не надо защиты,
Смѣяться не станетъ въ лѣсу тишина.

Вдали отъ скованныхъ дорогъ,
Въ сіяніи заката,
Прикосновеньемъ нѣжнымъ ногъ
Трава едва примята.

Прохлада вѣетъ отъ рѣки
На знойныя ланиты,—
И обѣ стройныя руки
Безтрепетно открыты.

И развѣ есть въ поляхъ цвѣты,
И на небѣ сіянье?
Улыбки, шопотъ, и мечты,
И тихое лобзанье.

Люби меня ясно, какъ любитъ заря,
Жемчугъ разсыпая и смѣхомъ горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, какъ любитъ луна,
Сіяя безстрастно, ясна, холодна.
Волшебствомъ и тайной мой міръ освѣти,—
Помедлимъ съ тобою на темномъ пути.

Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь,—не бойся, не лги.

Настало время чудесамъ.
Великій трудъ опять подъемлю.
Я создалъ небеса и землю,
И снова ясный міръ создамъ.

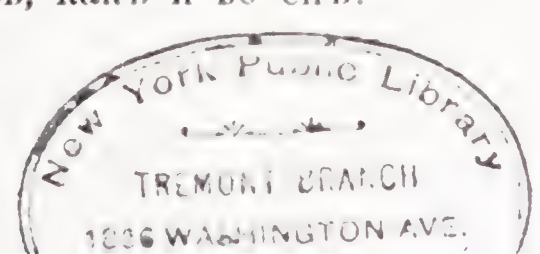
Настало творческое время.
Земное бремя тлѣетъ вновь.
Моя мечта, моя любовь
Возставитъ вновь иное пламя.

Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мнѣ опять мою свободу
Для созиданія отдай.

Жизнь проходить въ легкихъ грезахъ,
Вся природа—тихій бредъ,—
И не слышно объ угрозахъ,
И не видно въ мірѣ бѣдъ.

Успокоенное море
Тихо плещетъ о песокъ.
Позабылось въ мірѣ горе,
Страсть погибла, и порокъ.

Вѣкъ людской и тихъ, и дологъ
Въ безмятежной тишинѣ,
Но—зачѣмъ откинуть пологъ,
Если въявь, какъ и во снѣ?

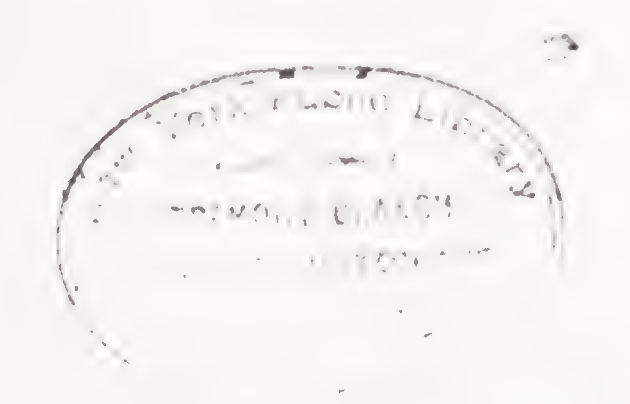
СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

стр.

стр.

стр.

Изд. „Шиповникъ". СПб. Б. Конюшенная, 17.

Литературно-художеств. альманахи. Кн. I—XII	Ц. 1.—
Ссыльнымъ и заключеннымъ. Сборн. изд. 2-ое.	« 1.—
„Италіи". Сборн. въ пользу пострад. отъ землетряс. въ Сициліи.	« 1.—
Книга о новомъ театрѣ. Изд. второе.	« 2.—
Сѣверные сборники. Кн. I. Изд. второе.	(распродано).
« « « II-III	(распродано).
« « « IV	Ц. 1.20
« « « V	« 1.—
« « « VI	« 1.10
Собраніе сочин. Леонида Андреева. т. V—VII	по 1.25
Собраніе сочинен. Өедора Сологуба. т. I. Стихи.	Ц. 1.50
« « « « « II. Тяжелые сны. Романъ. Изд. четвертое.	« 1.75
« « « « III. Разсказы.	« 1.25
« « « IV. Разсказы.	« 1.20
« « V. Стихи.	« 1.50
« « « « VI. Мелкій бѣсъ. Романъ. Из. шестое.	« 1.75
« « « « « VII. Разсказы.	« 1.25
« « « VIII. Драмы.	« 1.25
« « IX. Стихи.	« 1.50
« « « « X. Сказки и статьи.	« 1.25
Собраніе соч. Бориса Зайцева. Кн. I. Изд. третье.	« —.50
« « « « « II. « «	« 1.—
Собраніе соч. С. Сергѣева-Ценскаго. Кн. I—IV	по 1.25
Леонидъ Андреевъ. Анатэма.	Ц. 1.—
« « Царь Голодъ.	« 1.—
Өедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. 5-ое.	« 1.75
Осипъ Дымовъ. Разсказы. Книга I-ая	« 1.25
В. Муижель. Разсказы. Книга I-ая (конф.)	« 1.—
Маркъ Криницкій. Разсказы. Книга I-ая	« 1.—
Петръ Кожевниковъ. Разсказы. Книга II-ая	« 1.—
К. Ковальскій. Разсказы	1.—
Г. Чулковъ. Разсказы. Книга I-ая	1.—
« Разсказы. Книга II-ая	1.25
С. Городецкій. Разсказы. (Конф.)	1.—
В. Ропшинъ. Конь блѣдный. Разсказъ	(распродано).
С. Рафаловичъ. На вѣсахъ справедливости. Романъ.	Ц. 1.50
« Отвергнутый Донъ-Жуанъ.	« —.60
Ал. Блокъ. Три пьесы.	1.20
Евг. Чириковъ. Марья Ивановна.	(распродано).
С. Найденовъ. Хорошенькая.	Ц. —.60
Леонидъ Андреевъ. Жизнь Человѣка.	(распродано).
А. Вознесенскій. Хохотъ.	Ц. —.75
С. Сергѣевъ-Ценскій. Смерть.	« —.75
А. Серафимовичъ. Дѣтскіе разсказы.	« 1.—
А. Ремизовъ. Морщинка.	« —.50

Собран. соч. Кнута Гамсуна. Т. I—XII по 1.25
Собран. соч. Г. Д. Уэллса. Т. I—IX по 1.25
Собран. соч. Г. д'Аннунціо. Т. I—XII по 1.25
Анатоль Франсъ. Островъ Пингвиновъ. Ц. 1.40
Октавъ Мирбо. Путешествіе въ автомобилѣ. (распродано).
Гергартъ Гауптманъ. Потонувшій колоколъ. Ц. —.65
Франкъ Ведекиндъ. Пьесы. Кн. I ая „ 1.20
„ „ „ „ II-ая „ 1.25
„ „ Пробужденіе весны. (распродано)
Шаломъ Ашъ. Разсказы. Ц. 1.—
„ „ Городокъ. (распродано).
Гомеръ. Иліада. Пер. Н. Минскаго. Изд. 2-ое, исправл. Ц. 1.25
Байронъ. Каинъ. Пер. Ив. Бунина. „ —.75
К. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ. „ 2.—
„ „ Зеленый вертоградъ (распродано).
Андрей Бѣлый. Пепелъ. Ц. 2.—
Евг. Тарасовъ. Земныя дали. „ — 60
Тэффи. Семь огней. „ 1.—
Обри Бердслей. Альбомъ. (распродано).
Александръ Бенуа. Гойя. Ц. 2.—

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФІИ

подъ редакціей В. Базарова. Б. Столпнера и П. Юшкевича

1) Джемсъ. Прагматизмъ. Переводъ и предисловіе П. Юшкевича Цѣна 1 р. 50 к.
2) Геффдингъ. Учебникъ по исторіи новой философіи. Пер. Б. Столпнера. Цѣна 1 р. 75 к.
3) Бутру. Наука и религія. Пер. В. Базарова. Ц. 2 р. 25 к.
4) Клейнпетеръ. Теорія познанія совр. естествознанія. Пер. Р. Лембергъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Карлъ Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Ц.—.9-
Карлъ Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство. „ 2.—
Г. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій. „ 3.—
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ. Т. I. „ 1.50
„ „ „ „ II. „ 1.50
Г. Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Ц.—.40
Іозефъ Петцольдъ. Проблема міра. „ 1.—
Г. Чулковъ. Анархич. идеи въ драмахъ Ибсена. „ —.30
Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. „ —.80
Н. Троцкій. Туда и обратно. „ —.60
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ. „ —.50
А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Изд. втор. (распрод.)
А. Луначарскій. Пять фарсовъ. Ц.—.40

Открытыя письма на соціально-политическія темы. 43 сюжета Цѣна красочныхъ—5 к. шт. Цѣна однотонныхъ—3к. шт.

